III г. изд. 14 Декабря 1913 г. № 49 и 50 Цѣна 15 к., на ст. ж. д. 20 к.

Дѣтскій журналъ

ГАЛЧЕНОКЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На годъ—5 руб.; на полгода 2 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—50 коп.
Адресъ Конторы и Редакціи: Спб., Фонтанна, 80. Тел. 514-27

ПЕТРУШКА.

(Къ разсказу «Петрушка». См. стр. 6).

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧКА.

(Повѣсть для юношества Лидіи Чарской).

(Продолженіе).

— Mesdemoiselles!—произнесла торжественнѣе, чѣмъ когда-либо, директриса,—сегодня вамъ представляется случай съ честью вынести испытаніе и поддержать нашъ пансіонъ. Помните, что вы, какъ питомицы его, должны строго отличаться своими манерами, граціей и изяществомъ отъ того общества, съ которымъ вамъ придется встрѣтиться на балу сегодня. Будьте же какъ можно внимательнѣе къ себѣ, mesdemoiselles, слѣдите за собою и помните, что тысячи глазъ будутъ устремлены на васъ съ цѣлью подмѣтить какое-нибудь упущеніе, какой-нибудь недостатокъ. Люди часто бываютъ злыми изъ зависти. Имѣйте это въ виду. Ну, ѣдемъ теперь!

— Слава Богу! Кончила!—непроизвольно вырвалось изъ груди Мурочки, обожавшей шумъ и веселье танцовальныхъ вечеровъ, гдѣ можно было двигаться, прыгать, смѣяться.—Можно ѣхать, наконецъ!

И зазвенѣвъ всѣми бубенчиками своего пестраго гремучаго костюма и мелькнувъ короткой, яркой, полосатой юбочкой, она первая бросилась впередъ. Но пока размѣщались въ пяти чухонскихъ пролеткахъ-таратайкахъ, прошло не мало времени. Ради усовершенствованія хорошаго тона, madame Sept строго слѣдила за каждой садившейся въ «экипажъ» воспитанницей пансіона. У нея создалась цѣлая наука не только, какъ принимать гостей, сидѣть за столомъ, поддерживать бесѣду, вести себя на прогулкѣ, но и какъ ѣздить въ вагонѣ, плыть въ лодкѣ, играть въ крокетъ и теннисъ и кататься въ экипажахъ, хотя бы послѣдній былъ простой финской трясучкой. И сейчасъ же, не сообразуясь съ мѣстомъ и временемъ, она, вѣрная себѣ, муштровала дѣвицъ:

— M-elle Sophie, какъ вы заносите ногу на приступку? Oh, Dieu! Развѣ можетъ быть у барышни такой шагъ? Онъ въ пору какому-нибудь лодочнику, а не дѣвицѣ хорошаго тона. M-elle Annette, зачѣмъ вы такъ пыхтите, когда усаживаетесь въ экипажъ? M-elle Barbe! Не надо такъ прыгать... Для благовоспитанной барышни это не годится. M-elle Catrine, Боже мой, вы отдавили мнѣ ногу. Какая непростительная неловкость!.. M-elle Кирилова? Où êtes vous, donc? (Гдѣ же вы?).

— Я здѣсь!—отзывается съ самой дальней таратайки веселый голосокъ Муры, и всѣ ея бубенчики звенятъ, какъ звонкій ручеекъ весной.

— M-elle Кирилова! Вы ѣдете со мной!

О, какое грустное разочарованіе для бѣдной Муры!

Она только что устроилась въ одной пролеткѣ съ милой Досей, приготовилась, какъ слѣдуетъ, поболтать, посмѣяться во время дороги, и вотъ...

Съ вытянувшимся личикомъ направляется она къ знакомой фигурѣ, маячившей на дорогѣ при свѣтѣ ближняго фонаря.

— Je suis ici!—говоритъ она унылымъ тономъ, и самые бубенчики теперь звучатъ какъ будто уже тише и печальнѣй. Это «je suis ici» такъ и остается единственною фразою, произнесенною ею за всю дорогу до курзала.

Мура молчитъ, точно въ ротъ воды набрала, предоставляя madame Sept говорить и читать нотаціи.

Наконецъ-то, пріѣхали! Какая радость!

— «Семерки» идутъ! «Семерки» здѣсь, господа!—проносится по всему курзалу, когда пансіонъ madame Sept, съ его почтенной директрисой въ авангардѣ и съ кроткой Эми, уныло замыкающей шествіе, попарно является въ залъ. Сами пансіонерки отлично знаютъ свое прозвище «семерокъ», данное имъ окрестными дачниками, и улыбаются на него каждый разъ. Зато madame Sept замѣтно злится.

— Какая невоспитанность!—шипитъ она, бросая вокругъ себя молніеносные взгляды. И внезапно мѣняется въ лицѣ при видѣ Мурочки, успѣвшей умчаться на середину зала съ высокимъ рыбакомъ-неаполитанцемъ.—Какъ? Броситься, очертя голову, съ первымъ попавшимся кавалеромъ въ танцы, когда она, madame Sept, кажется, весьма понятно запретила танцовать съ незнакомыми всѣмъ своимъ пансіонеркамъ? Вѣдь, чего добраго, эти незнакомцы могутъ оказаться простыми рабочими, неинтеллигентными приказчиками, лакеями, наконецъ!—И она уже не спускаетъ глазъ съ улетающей отъ нея все дальше и дальше въ вихрѣ вальса парочки.

— Ужъ эта несносная «солдатка»! Ей весело. Глаза блестятъ. Смуглое лицо такъ «вульгарно» сіяетъ. Сейчасъ видно плебейку. Ужасъ, а не барышня!—возмущается madame Sept, негодуя и сердясь.

***

А Мурѣ, дѣйствительно, весело. Личико ея оживлено. Улыбка не сходитъ съ губъ. Глаза такъ и сверкаютъ. И звонко, заливчато, смѣются бубенчики на ея костюмѣ.

— Милое Безуміе,—говоритъ ей ея кавалеръ, неаполитанскій рыбакъ, и смѣющимися глазами смотритъ на Муру, кружась съ нею подъ звуки мелодичнаго вальса,—какъ вамъ должно быть скучно въ вашемъ несносномъ пансіонѣ? Да?

— А почему вы знаете, что онъ несносный?—смѣется Мура.

— Да развѣ вмѣстилище хорошаго тона можетъ быть инымъ?—отвѣчаетъ рыбакъ.

— Ха, ха, ха! Вмѣстилище хорошаго тона, хорошо сказано! Вы правы, у насъ царитъ зеленая скука и, еслибы не моя милая Досичка...

— Кто?

— Богиня весны... Вонъ она танцуетъ съ высокимъ монахомъ. Вы видите ее?.. Неправда-ли, она кра-

савица, эта очаровательная Весна?—и Мура съ восторгомъ смотритъ на приближающуюся къ ней подругу.

Она, дѣйствительно, хороша и эффектна, эта высокая, стройная дѣвушка въ длинной голубой туникѣ, съ молочно-бѣлымъ шарфомъ, развѣвающимся волнами, на подобіе весенняго облачка, за плечами, и съ вѣнкомъ ландышей на золотистыхъ волосахъ.

Неаполитанецъ-рыбакъ внимательно смотритъ на рыженькую Весну, потомъ переводитъ глаза на свою даму.

— О, я знаю еще болѣе интересное личико,—улыбаясь, говоритъ онъ.

— Неправда, неправда,—кричитъ въ забывчивости Мура,—развѣ есть кто-нибудь лучше ея? Никто! Никто! Что я въ сравненіи съ нею? Носъ картофелиной, губы, какъ у негра, и ротъ до ушей, интересное личико, нечего сказать,—и она возмущенно звонитъ всѣми бубенчиками.

Высокій неаполитанецъ, какъ оказывается, молодой морской офицеръ, Мирскій, попавшій на этотъ вечеръ случайно, какъ поясняетъ онъ Мурѣ. Онъ только недавно пріѣхалъ изъ плаванія, объѣхалъ полъ-міра. Былъ на Явѣ, Целебесѣ, Брамапутрѣ. Ихъ два брата въ семьѣ. Вонъ, тотъ красивый демонъ, что танцуетъ съ хорошенькой феей,—это его братъ, горный инженеръ. Фея ночи—Иза Пель—какъ разъ сталкивается съ ними въ эту минуту.

Мура звонко хохочетъ.

— M-elle Иза, милая m-elle Иза? Вамъ весело? Да?

Красивая еврейка поднимаетъ на нее черные глаза.

— А вамъ, дѣтка?

Вслѣдъ за Досей весь пансіонъ называетъ такъ Муру. Нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ. Она моложе ихъ всѣхъ здѣсь и кажется, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, настоящимъ ребенкомъ. И потому ея шалости и проказы не возмущаютъ дѣвицъ.

— Ужасно! Ужасно весело, Иза. У меня такой интересный кавалеръ! Умный, разговорчивый, милый! Онъ объѣхалъ полъ-міра и былъ даже на Брамапутрѣ и Целебесѣ, — говоритъ, ни мало не смущаясь, Мурочка по-французски, совершенно упуская изъ вида, что ея кавалеръ лучше, чѣмъ кто-либо другой, можетъ знать этотъ языкъ. Такъ оно выходитъ и на самомъ дѣлѣ.

— Благодарю за лестное мнѣніе,—насмѣшливо раскланивается онъ передъ своей юной дамой.

— Ха, ха, ха! Вы поняли? А я и забыла совсѣмъ, что вы тоже можете говорить по-французски,—весело расхохоталась Мура.

Должно быть, этого не слѣдовало говорить, потому что на лицѣ незамѣтно подкравшейся къ нимъ madame Sept выражается самое неподдѣльное отчаяніе.

— Venez ici, m-elle Kiriloff! Vous êtes insupportable! (Подойдите сюда, m-elle Кирилова, вы невозможны!)—шипитъ она по адресу Муры.

Все оживленіе сразу слетаетъ со смуглаго и яркимъ румянцемъ разгорѣвшагося личика, и съ убитымъ видомъ Мура подходитъ выслушивать нотаціи о хорошемъ тонѣ. Когда она возвращается снова къ своему кавалеру, героически выжидавшему въ сторонѣ конца нравоученья, неаполитанскій рыбакъ говоритъ ей весело, желая подбодрить свою пріунывшую даму.

— Какъ ни строга ваша почтенная директриса, какъ ни несправедлива она къ вамъ—такому славному маленькому человѣчку, тѣмъ не менѣе я долженъ благословить ее.

— За что?—и глаза Муры снова загораются оживленіемъ.

— А за то хотя-бы, что она дала мнѣ возможность узнать вашу фамилію. Вы m-elle Кирилова, да?

— И ничуть ни бывало! — разражается хохотомъ Мурочка и такъ машетъ руками, что срываетъ колпакъ съ головы какого-то не во время подвернувшагося Пьеро.

— Моя фамилія Ра...—начинаетъ она и вдругъ обрываетъ фразу на полусловѣ и вспыхиваетъ, какъ зарево.—Нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше!.. Я должна молчать.

— О чемъ вы должны молчать, m-elle Ра?

— Ха, ха, ха, вотъ такъ фамилія!

— Но вѣдь вы-же сами такъ назвались.

— Послушайте, господинъ мичманъ, или неаполитанскій рыбакъ, все равно, я нечаянно чуть не открыла вамъ тайны, которую никто не долженъ знать въ пансіонѣ,—самымъ серьезнымъ образомъ говоритъ своему кавалеру Мура,—можетъ быть когда нибудь потомъ я вамъ ее открою, если намъ суждено еще встрѣтиться, но сейчасъ я беру съ васъ торжественное слово, что вы никому не скажете, что я не Кирилова, а...

— Ра...—подсказываетъ со смѣхомъ морякъ. (Rat—крыса по-французски).

— Ну, да... если хотите.

— Клянусь! Клянусь! Клянусь!—говоритъ онъ дѣланнымъ басомъ.

— Это очень мило съ вашей стороны. И въ награду за ваше молчаніе я разскажу вамъ, пожалуй, про всѣ мои несчастья.

Веселое, модное Ки-ка-пу только что кончилось, и Мурочка въ ожиданіи слѣдующаго танца прогуливается со своимъ кавалеромъ по залѣ.

Обмахиваясь вѣеромъ, она разсказываетъ ему и про неудачную окраску волосъ парика, и про билетъ съ объявленіемъ, и про карикатуры подъ воздушными шарами, и про неудачное купанье бѣленькой Ами, сибирской кошки, и прочее, и прочее, и прочее...

Молодой мичманъ отъ души хохочетъ.

Вдругъ Мура замолкаетъ среди самой оживленной бесѣды и, принимая натянуто-неестественный видъ, начинаетъ вести разговоръ въ духѣ хорошаго тона, которымъ такъ добросовѣстно начиняетъ ихъ madame Sept.

— Monsieur le compte,—говоритъ она съ величавымъ жестомъ,—чѣмъ будете вы занимать великосвѣтскую дѣвицу хорошаго тона?!

— О, это не по моей части,—смѣется мичманъ, понявъ шутку,—а вотъ, если-бы вы разрѣшили покатать васъ на яхтѣ... Вы чувствуете, какой дивный вѣтеръ подулъ съ моря?

Дѣйствительно, въ открытую дверь залы ворвалась, свѣжая, душистая волна ночного вѣтра и заколебала воздушныя облака тюля, газа и кружевъ на изысканныхъ костюмахъ дамъ и дѣвицъ.

— Прогулка на яхтѣ—при лунѣ, о, какая прелесть!—и Мурочка радостно хохочетъ, совершенно забывъ объ окружающей ее обстановкѣ.—Постойте, я только позову спортсменку,—неожиданно говоритъ она.

— Кого?

— Соню Алдину—поклонницу всякихъ видовъ спорта. Она точно такъ же, какъ и я, любитъ такія прогулки.

— Прекрасно, а я пойду заказать лодку.

Неаполитанецъ спѣшитъ на далекій молъ, убѣгающій въ море, гдѣ спекулируетъ своими яхтами и паровыми лодками какой-то почтенный дэнди изъ финновъ. А Мурочка въ это время разыскиваетъ спортсменку довольно-таки примитивнымъ способомъ.

— M-elle Sophie! M-elle Sophie! Ау-ау!—кричитъ она звонко на пляжѣ, нимало не заботясь о томъ, что курортъ—не лѣсъ.

Наконецъ, обѣ дѣвушки сталкиваются случайно у памятника Петра Великаго, возвышающагося посреди курортнаго сада. Лицо «рыбачки» красно отъ негодованія, губы дрожатъ, и изъ глазъ ея готовы брызнуть слезы.

— In corpore sana, mens sana (латинское изреченіе: въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа)! А она придирается и шипитъ, какъ змѣя, точно я не Богъ вѣсть что натворила!—жалуется она Мурѣ плачущимъ голосомъ.—А что я сдѣлала дурного въ сущности: въ полторы минуты всего положила его на обѣ лопатки...

— Кого вы положили на обѣ лопатки, несчастная?—допытывается со смѣхомъ Мура.

— Да Пьеро... Знаете, сосѣдняго реалиста... Тоже хвастунишка, подумаешь! Чемпіонъ міра какой выискался! Хвасталъ, что выжимаетъ по четыре пуда, а самъ сразу—шлепсъ.—Мускулы у васъ, говоритъ, какъ у нашего дворника Филиппа. У меня это, видите-ли. Но это не оправданіе. Причемъ тутъ мускулы, когда ловкость важна. Вѣрите-ли, дѣтка, чуть не заревѣлъ отъ обиды. Это пятнадцатилѣтній оболтусъ-то... А тутъ, какъ на зло, Септиха... Увидѣла и давай шипѣть, что это скандалъ, что это позоръ для всего пансіона. Не скандалъ и не позоръ, а настоящая французская борьба по всѣмъ правиламъ. А она ничего не понимаетъ...

— Ха, ха, ха!—такъ и залилась веселымъ смѣхомъ Мура.—Куда ужъ ей понять! Ха, ха, ха!

— Да, вамъ хорошо хохотать. А она велѣла сейчасъ же домой отправиться съ Эми. И жетонъ сняла.

— Ну, а мы, вмѣсто того, чтобы домой, покатаемся на яхтѣ.

— Что?—глаза спортсменки сразу просіяли и унылое лицо ожило и просвѣтлѣло.—Да вы что, шутите, дѣтка?

— Какія тамъ шутки! Давайте руку и бѣжимъ скорѣе!

— Ахъ, вы прелесть моя!—и, схватившись за руки, рыбачка и Folie бросились бѣжать вдоль освѣщеннаго электричествомъ пляжа.

Одиннадцатая глава.

Нѣтъ, рѣшительно не везло madame Sept въ этотъ вечеръ!

Едва оставивъ Софи Алдину, побѣдившую какого-то пучеглазаго мальчугана по всѣмъ правиламъ французской борьбы, почтенная директриса бросилась по направленію курзала на поиски за сестрою, съ цѣлью передать той свое неотступное рѣшеніе собирать пансіонерокъ домой. Для сокращенія пути къ главному входу, почтенная директриса свернула въ боковую, темную аллею. Здѣсь было тихо и мертво. Заглушенными звуками доносилась сюда музыка бальнаго оркестра.

Причудливыми призраками казались въ темнотѣ деревья и кусты.

Вдругъ странный грозный голосъ прогремѣлъ неподалеку отъ madame Sept, заставляя ее задрожать всѣмъ тѣломъ. Ноги француженки подкосились, и она опустилась на первую попавшуюся скамью.

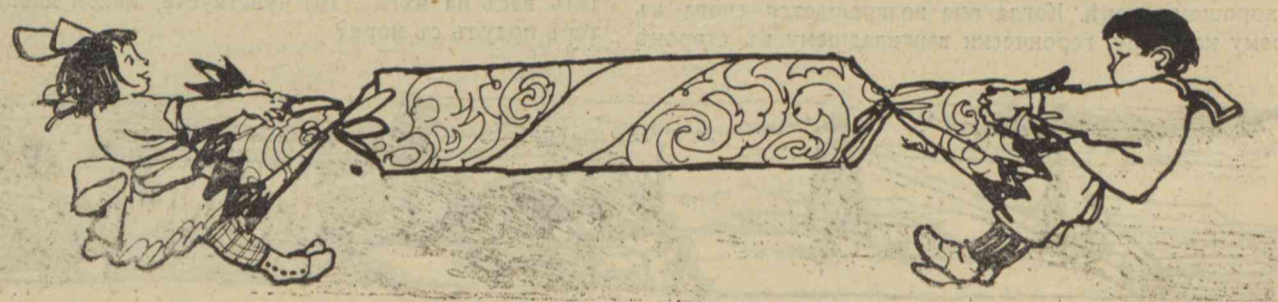
А грозный голосъ все гремѣлъ, въ кустахъ, все страшнѣе, все глуше. Какъ будто кто-то слалъ въ темноту ночи изступленныя, жуткія проклятія. Слова произносились по-русски, и перепуганная директриса, конечно, не могла ихъ понять, но одно слово, повторяемое на тысячу ладовъ, показалось ей знакомымъ и усилило охватившій ея душу страхъ. Это страшное слово было «убью». Къ довершенію несчастья, грозное, невидимое существо вдругъ зарыдало жуткимъ рыданьемъ. Какъ ужаленная, испустивъ пронзительный крикъ, вскочила француженка и бросилась бѣжать отъ рокового мѣста, не зная, что думать обо всемъ, слышанномъ ею. Бѣдная madame Sept! Она оказалась-бы крайне удивленной, если бы увидѣла, что произошло въ слѣдующій-же за ея исчезновеніемъ мигъ.

Кусты раздвинулись, и на аллею, не торопясь, вышла Ія Коровина въ своемъ костюмѣ ангела смерти. Вдохновилъ-ли этотъ костюмъ Ію, или настроилъ ее мечъ, аксессуаръ костюма, который она держала въ рукѣ, но внезапная волна артистическаго вдохновенія подхватила дѣвушку и она, уединившись въ кусты, увлеклась своими любимыми трагическими монологами, произнося ихъ во всю ширь легкихъ, во весь свой мощный голосъ.

Между тѣмъ, испуганная директриса, какъ пуля, ворвалась въ залу и стала торопливо собирать пансіонерокъ домой.

Она казалась очень взволнованной всѣмъ происшедшимъ, слишкомъ взволнованной, чтобы обратить вниманіе на то, что повергло-бы ее въ отчаяніе въ другое время.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАСПРАВА.

— Я тебѣ покажу, какъ перья изъ хвоста дергать! Вотъ примешь холодную ванну,—умнѣе станешь!..

ПЕТРУШКА.

Разсказъ **Луизы Веберъ.**

Дѣти смастерили въ саду изъ дощечекъ и платковъ театръ маріонетокъ и забавлялись цѣлый день. Но въ тотъ моментъ, когда, по ходу пьесы, крокодилъ долженъ былъ проглотить «Петрушку», разразилась страшная гроза, и дѣти, второпяхъ собравъ всѣ игрушки, убѣжали домой; на бѣгу они забыли подъ дождемъ главнаго артиста, «Петрушку».

— Видно, начинается свѣтопреставленіе,—проговорилъ бѣдняга, когда порывомъ вѣтра разрушило театръ.

«Петрушка» былъ отброшенъ къ стѣнѣ павильона съ такой силой, что изъ глазъ у него посыпались искры, а въ ушахъ зазвенѣло. Закружились листья, полилъ дождь, да какой! Никогда въ жизни «Петрушкѣ» еще не приходилось такъ промокнуть. Лакъ на его лицѣ растворился; румяна съ носа закапали на кружевной воротникъ... Словомъ, дѣло было дрянь. А тутъ еще его окатила цѣлымъ водопадомъ водосточная труба!

— Эй, ты, перестань!—вскричалъ Петрушка.— Моя Гретель ежедневно моетъ мнѣ голову; тебѣ нечего заботиться объ этомъ!

Но водосточная труба продолжала поливать его. Тутъ съ бѣднягой произошло нѣчто неладное. Онъ поскользнулся и поплылъ, уносимый ручейкомъ, до того мѣста, гдѣ вода съ шумомъ свергалась, сквозь желѣзную рѣшетку, куда-то въ глубину. Здѣсь «Петрушка» растянулся ничкомъ и сталъ смотрѣть въ зіявшую подъ нимъ черную бездну.

— Плохо придется теперь сатанѣ,—прошепталъ онъ,—вода потушитъ весь огонь въ его царствѣ!

Повидимому, «Петрушка» думалъ, что эта пропасть ведетъ прямо въ адъ.

Бѣдняга весь продрогъ отъ холода и сырости, но пытался утѣшить себя:

— Ничего, все пройдетъ, и настанутъ, наконецъ, лучшія времена.

И онъ не ошибся: гроза улеглась, и наступилъ тихій, ясный вечеръ.

— Терпѣніе, терпѣніе,—говоритъ себѣ «Петрушка»,—должны же когда-нибудь дѣти подобрать меня! Вѣдь безъ главнаго дѣйствующаго лица никакой театръ не мыслимъ!

Но не помогло и терпѣніе. Настала ночь, а бѣдняга все еще лежалъ на холодѣ. Тогда ему стало тоскливо, и онъ горько заплакалъ. Дѣлать было нечего; пришлось примириться съ мыслью, что, вмѣсто уютнаго, теплаго ящика, онъ проведетъ ночь подъ открытымъ небомъ.

На слѣдующее утро пришелъ садовникъ и сталъ осматривать поврежденія, причиненныя грозой. Убравъ съ клумбъ обломки театра, онъ замѣтилъ, наконецъ, «Петрушку». Полный состраданія, онъ поднялъ его и сталъ разглядывать со всѣхъ сторонъ.

— Бѣдный «Петрушка»,—проговорилъ онъ,—какой у тебя видъ! Не по вкусу тебѣ пришлась вода, надо полагать!

Но «Петрушка» въ отвѣтъ только радостно улыбался, ибо онъ замѣтилъ въ рукахъ своего спасителя остатки театра и надѣялся, что скоро снова вернутся счастливые дни. Но онъ ошибся.

Садовникъ отнесъ шесты и дощечки въ дровяной сарай и здѣсь сломалъ ихъ на мелкіе куски. «Петрушку» же онъ понесъ въ павильонъ, гдѣ находилось много дѣтскихъ игрушекъ, и посадилъ его рядомъ съ нарядными куклами, сидѣвшими за чайнымъ столомъ.

— О, въ какое изысканное общество я попалъ!— воскликнулъ «Петрушка» и привѣтливо закивалъ во всѣ стороны головой.

Куклы сидѣли, точно аршинъ проглотивши, и только слегка улыбались, такъ какъ имъ все-таки было пріятно, что какой-то господинъ явился къ нимъ съ визитомъ. Наконецъ, одна изъ нихъ завязала разговоръ:

— Вы, повидимому, пріѣхали изъ дальнихъ странъ? Не правда-ли? Это замѣтно по вашему платью. Какъ интересно, должно быть, путешествовать!

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ «Петрушка»,— я вернулся съ береговъ Нила. Тамъ я сражался съ крокодиломъ и плылъ по теченію. Ураганъ унесъ мой шатеръ, и вѣковыя деревья ломались, какъ спички. Ночью я лежалъ подъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, и внималъ шуму водопада, свергавшагося въ бездну... Да, сударыни, я могъ бы многое разсказать.

И онъ разсказывалъ такъ занятно, что всѣ куклы были отъ него въ восторгѣ и находили его очаровательнымъ. Отъ восхищенія онѣ мигали своими большими глазами, а «Петрушка» не унимался и разсказывалъ имъ все болѣе удивительныя исторіи про свои приключенія. Да, онъ умѣлъ быть интереснымъ собесѣдникомъ; не такъ, какъ Щелкунчикъ, который сидѣлъ въ уголкѣ и только пощелкивалъ зубами, когда ему совали что-нибудь въ ротъ.

Рѣшено было, что пріятный гость долженъ обручиться съ одной изъ куколъ; любая изъ нихъ съ удовольствіемъ назвала бы его своимъ женихомъ. Пользуясь правомъ выбора, онъ остановился на самой красивой, которая сидѣла рядомъ съ нимъ и съ которой онъ долженъ былъ обвѣнчаться въ тотъ же вечеръ. Всѣ игрушки получили приглашеніе на предстоящее торжество. Всѣ откликнулись на приглашеніе, кромѣ Щелкунчика, состроившаго недовольную физіономію и отговорившагося зубной болью. Но онъ просто завидовалъ «Петрушкѣ», завладѣвшему общимъ вниманіемъ и благосклонностью.

Куклы отлично это понимали и повернулись къ завистнику спиной, хотя имъ очень пріятно было бы видѣть на вѣнчаніи и Щелкунчика въ его красивомъ, пестромъ нарядѣ.

Послѣ обѣда пришли дѣвочки, чтобы взять куколъ въ садъ на прогулку. Какъ онѣ хохотали, когда увидѣли здѣсь «Петрушку»!

— Вотъ «Петрушка», котораго мы вчера забыли подъ дождемъ!—воскликнули онѣ.—Фи, какой онъ сталъ грязный! И полинялъ весь! Теперь онъ уже никуда больше не годится; надо будетъ завести новаго!

Куклы состроили глупыя физіономіи и притихли, такъ какъ имъ стыдно было, что такъ отзываются объ ихъ общемъ любимцѣ. Что же касается его невѣсты, то она отъ испуга и огорченія свалилась со стула на каменный полъ и раздробила себѣ голову.

Дѣвочки поплакали, затѣмъ ткнули бѣдняжку въ уголокъ и думать о ней забыли.

«Петрушку»-же постигла еще болѣе печальная участь: его вышвырнули за заборъ въ кучу сору, гдѣ онъ очутился среди осколковъ посуды, засохшихъ букетовъ и всякой ненужной рухляди. Какъ видите, общество было далеко не изысканное, и бѣдняга задумался надъ своей мрачной судьбой. Больше всего его огорчало, что дѣти высмѣяли его и рѣшили завести себѣ новаго «Петрушку». Вѣдь какъ часто они смѣялись надъ его ужимками и шутками, а теперь

онъ вдругъ сталъ ни къ чему не годнымъ,—и все только потому, что вылиняла какая-то глупая краска!

По сосѣдству съ нимъ валялся высохшій букетъ розъ.

— Вы также выцвѣли и потому лежите здѣсь,— проговорилъ «Петрушка».

— Да, да,—вздохнули розы,—и, однако, мы красовались когда-то въ золоченой вазѣ, въ пышномъ салонѣ... Нами восхищались за нашу красоту и благоуханіе...

— На все воля Господня,—проскрипѣлъ старый сапогъ, оскаливая свои деревянные зубы и постукивая каблукомъ.

— Закрой свою крокодиловую пасть и молчи, старый кожаный проповѣдникъ!—засмѣялся «Петрушка».—Ты исходилъ міръ чужими ногами и жилъ на широкую ногу; но внутри ты такъ же пустъ, какъ мой желудокъ! Весело жить и весело умереть, вотъ что говорю я, «Петрушка»!

И онъ заходилъ колесомъ по горкѣ рухляди.

— Мы того же мнѣнія,—поддакнули двѣ пробки, затыкавшія нѣкогда бутылки съ шампанскимъ,—не надо опускаться на дно, а всегда плавать на поверхности и съ трескомъ вылетать изъ бутылокъ какъ можно выше. Въ этомъ вся штука и верхъ мудрости.

Всѣ разбитые кувшины и бутылки покатились съ горки вслѣдъ за «Петрушкой». Вся рухлядь ожила и зашевелилась. Старая щетка задѣла носъ сапога, и тотъ сердито заворчалъ отъ негодованія. Жестяныя коробки загромыхали попавшими въ нихъ камешками. Шестъ отъ метлы подхватилъ пыльную тряпку, ржавый крюкъ—соломенную коробку,—и все закружилось въ веселомъ танцѣ, подъ скрипъ завертѣвшейся кофейной мельнички и звонъ осколковъ битой посуды. А бутылки, покачивая горлышками, поливали публику дождевой водой, набравшейся за прошлую ночь. Вся горка засуетилась, пыль поднялась столбомъ, а «Петрушка» въ это время хохоталъ, держась за бока; его забавлялъ весь этотъ гомонъ, который былъ вызванъ его появленіемъ и веселыми рѣчами.

— Сколько, однако, набралось здѣсь всякаго сору!—проговорилъ садовникъ, проходя мимо и видя поднятую пыль.—Такая гора, что все уже внизъ валится... Надо будетъ завтра же убрать все это отсюда!

На слѣдующее утро за заборомъ стояла грязная повозка съ запряженной въ нее клячей, и какой-то старикъ съ мѣдной бляхой на картузѣ убиралъ соръ лопатой, нагружая его на повозку. Когда ему попадалось на глаза что-нибудь такое, что казалось еще пригоднымъ, онъ бросалъ это въ большой мѣшокъ. Такимъ образомъ, тамъ собрались сливки подзаборной голытьбы, самое изысканное общество.

— О,—воскликнулъ «Петрушка», также попавъ въ мѣшокъ,—какъ здѣсь темно! оть глазъ выколи! Куда это меня занесло?

Въ этотъ моментъ онъ наткнулся головой на чью-то разинутую пасть, и острые зубы впились въ его носъ...

— Ну, пришелъ мой конецъ! Самъ дьяволъ вцѣпился въ меня!—подумалъ бѣдняга и затрепеталъ отъ страха.

— Ну, что, покаешься теперь во всѣхъ своихъ грѣхахъ, старый насмѣшникъ?—раздался глухой, замогильный голосъ.

«Петрушка» уже готовъ былъ покаяться въ всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и навсегда проститься съ жизнью и ея радостями, когда вдругъ догадался, что его схватилъ за носъ старый, ворчливый сапогъ.

— Ха-ха-ха!—расхохотался весельчакъ,—а знаешь, чернокожій товарищъ, вѣдь я принялъ тебя за чорта! Не угодно-ли тебѣ будетъ отпустить мой носъ? Иначе я разорву твою пасть до ушей, старый ты крокодилъ!

И онъ забарабанилъ кулаками по сапогу, но тотъ былъ сдѣланъ изъ толстой кожи и ничего не чувствовалъ; только крѣпче сжалъ зубы.

— На помощь! На помощь!—завопилъ «Петрушка».

Но никто не смѣлъ откликнуться, такъ какъ въ мѣшкѣ сапогъ былъ самымъ сильнымъ. «Петрушкѣ» оставалось только браниться и грозить.

Когда ихъ вытащили изъ мѣшка и освободили израненный носъ «Петрушки», сапогъ былъ проданъ кожевенику, который разрѣзалъ его на ремни и сдѣлалъ изъ него хлыстъ. Въ этой новой роли онъ отводилъ свою душу на спинахъ лошадей.

Что же касается «Петрушки», то ему предстояло еще много испытаній.

Прежде всего, съ него сорвали все платье, положили его въ воду и затѣмъ вычистили щеткой; вся краска сошла, и осталось одно дерево. Но худшее предстояло еще впереди. Послѣ ванны онъ попалъ на станокъ токаря, и здѣсь острый ножъ снялъ съ его лица всѣ шрамы и шишки, которыя онъ себѣ набилъ во время долгихъ странствованій.

— Надо быть чистенькимъ и гладенькимъ, чтобы стоить чего-нибудь на этомъ свѣтѣ,—приговаривалъ ножъ, дѣлая свое дѣло.

— Я-ли это еще?—спросилъ себя «Петрушка», ощупывая носъ.

Носъ былъ на своемъ мѣстѣ, но принялъ другую форму.

— Ну, ничего! Но веселаго нрава вы изъ моего тѣла никакъ не вырѣжете; «Петрушка» останется «Петрушкой»,—утѣшалъ себя бѣдняга, и съ прежнимъ комизмомъ высунулъ на свѣтъ Божій свой новый носъ.

Послѣ этого онъ попалъ въ руки веселаго живописца. Тотъ сталъ поворачивать его во всѣ стороны и расхохотался.

— Какой же ты забавный, мой милый паренекъ!— воскликнулъ онъ.—Ну, ладно, я постараюсь сдѣлать тебя еще забавнѣе!

И кисть такъ нѣжно защекотала лицо «Петрушки», что его ротъ растянулся отъ улыбки до самыхъ ушей. Краска исцѣляющимъ бальзамомъ ложилась на его раны, а когда поверхъ всего легъ слой прозрачнаго лака, онъ почувствовалъ себя какъ бы вновь родившимся и засіялъ отъ счастья.

Болѣе красиваго «Петрушки» міръ еще не видывалъ. Поэтому торговецъ игрушками выбралъ для него самый красивый и пестрый нарядъ, пріодѣлъ его и повѣсилъ на веревочкѣ въ витринѣ. Тамъ онъ презабавно вертѣлся во всѣ стороны, дрыгая руками и ногами.

Но недолго ему пришлось висѣть; вскорѣ его купили, и,—о, капризы судьбы!—онъ снова попалъ въ театръ маріонетокъ, залитый свѣтомъ елочныхъ свѣчей! И когда онъ высунулъ изъ-за занавѣса свою потѣшную рожицу, его встрѣтили восторженныя восклицанія дѣтей, тѣхъ же самыхъ дѣтей, которыя однажды такъ жестоко осмѣяли его и вышвырнули за заборъ.

«Петрушка» широко улыбнулся и воскликнулъ:

— Всѣ-ли въ сборѣ? Узнаете-ли вы своего стараго «Петрушку»?

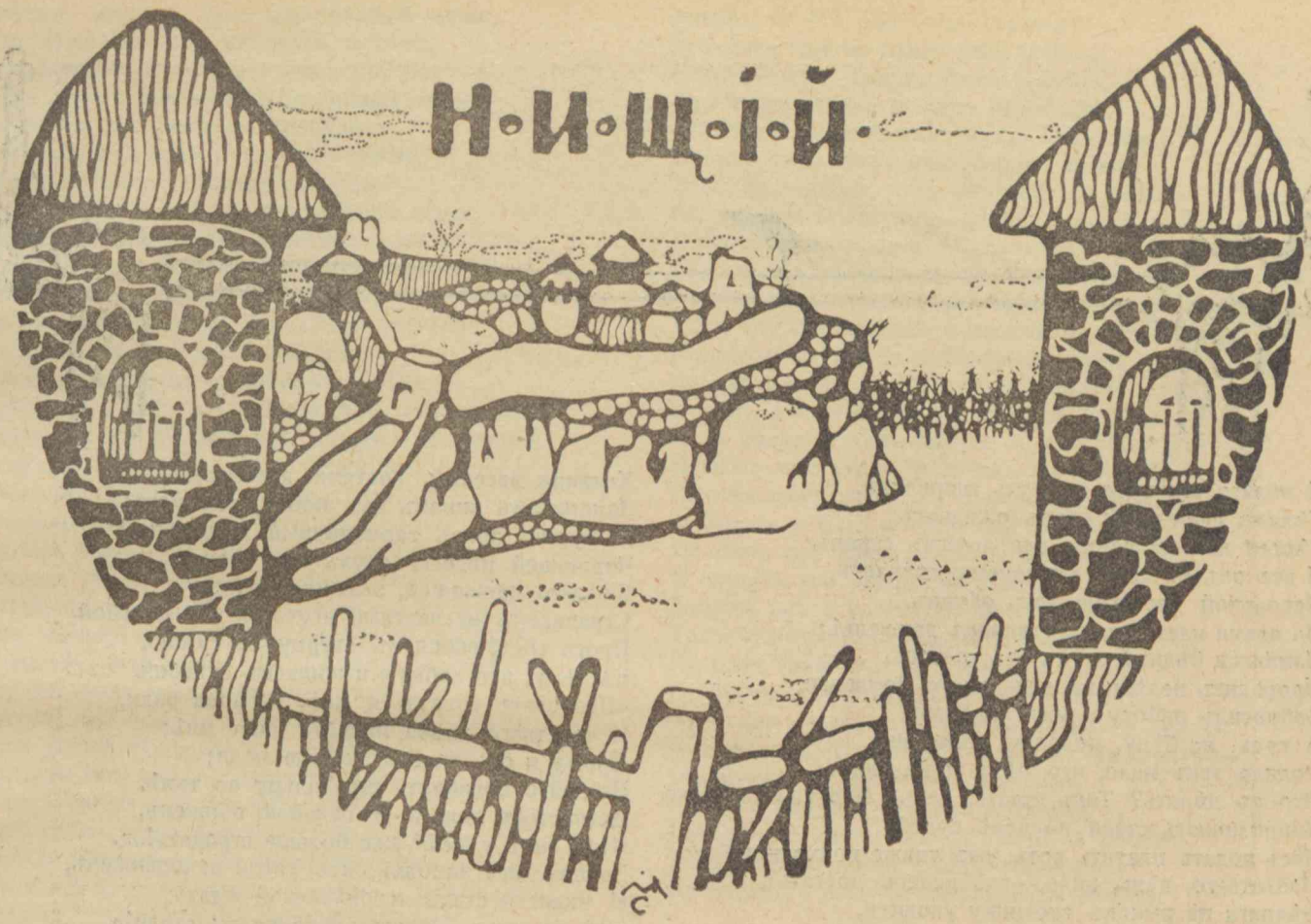
Дѣти весело засмѣялись и захлопали въ ладоши. Они радовались своему новому «Петрушкѣ», но это былъ все тотъ-же, прежній, старый «Петрушка», и ужимки и шуточки его были все тѣ же. Дѣтямъ же до этого не было дѣла. Онъ ихъ забавлялъ, и большаго отъ него не требовалось.

Луиза Веберъ.

ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

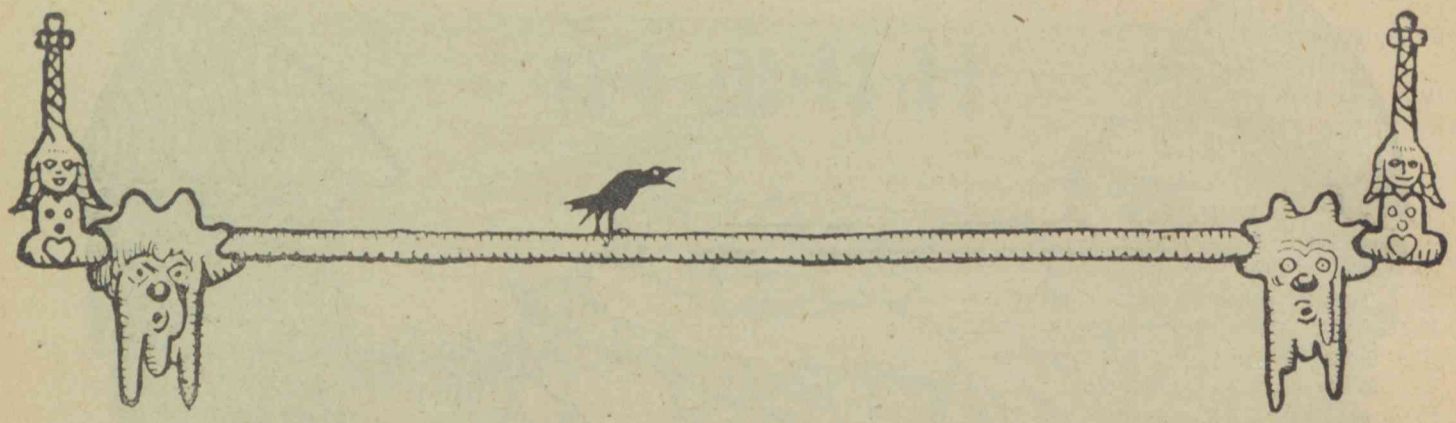

Н·И·Щ·І·Й·

Разсказъ І. Арденина.

Подъ тяжестью лѣтъ, какъ подъ ношей, согбенный,
Невѣрною поступью плелся старикъ,
И вѣтра порывы волной перемѣнной
Шатали его. Онъ главою поникъ.
Неслися по небу потокомъ безбрежнымъ
Свинцовыя тучи, какъ рать на враговъ,
Поля застилая ковромъ бѣлоснѣжнымъ,
Коверъ покрывая грядою холмовъ...
Лишь изрѣдка слабый, мерцающій свѣтъ
Луны блѣднолицой пронизывалъ тучи;
То былъ отдаленный, холодный привѣтъ
Землѣ задремавшей. Морозъ-же трескучій
Все крѣпче и крѣпче заковывалъ міръ,
Который, казалось, борьбой утомленный,
Стоналъ подъ ярмомъ, а морозъ, какъ вампиръ,
Вцѣпился въ него, той борьбой разозленный...
Метель разыгралась, и адская мгла
Глаза ослѣпляла кошмаромъ ужаснымъ:
А вѣдьмъ легіоны, кружась и визжа,
Казалося, въ вихрѣ носились безстрашно.
Кровь стынула въ жилахъ при мысли одной,
Что, можетъ быть, въ часъ этотъ тяжкій, ужасный,
Въ неравной борьбѣ со стихіей, нѣмой
Къ мольбамъ и стенаньямъ, ужъ путникъ несчастный
Кончаетъ всѣ счеты всей жизни земной.
А онъ, этотъ старецъ, судьбой обдѣленный,
Изъ силъ выбивался, но все-таки шелъ,
Хоть шагъ его, стужей и мглой замедленный,
Ему измѣнялъ,—и все дальше онъ брелъ.
Но тщетно искалъ онъ, кругомъ озираясь
Померкнувшимъ взоромъ, огня и жилья.
«Ужели-жъ, о Боже, по свѣту слоняясь,
Погибну во тьмѣ и отчаяньи я?
Ужели-же Ты, о Творецъ Милосердный,
Отринешь моленья земного раба?
Внемли-жъ, Вседержитель, молитвѣ усердной,
Не дай мнѣ погибнуть, молю я Тебя!
Хочу я родимаго сына увидѣть,
Дрожащей рукой его шею обвить,
Чтобъ могъ онъ несчастнаго старца утѣшить,
Чтобъ могъ онъ потомъ и глаза мнѣ закрыть.—
Теперь-то онъ гдѣ-же, соколикъ мой ясный?
Чай, тамъ, гдѣ-то, тамъ, въ отдаленной странѣ,
Какъ я, онъ, бѣдняжка, страдаетъ напрасно;
Вернулся-бъ ужъ лучше поближе ко мнѣ».
Сказалъ такъ старикъ и въ тоскѣ безотрадной
Сѣдую главу свою ниже склонилъ,
И вдругъ онъ отвѣтъ въ этой тьмѣ непроглядной
Въ стенаньяхъ и въ воѣ стихій уловилъ.
Но былъ тотъ отвѣтъ такъ суровъ, безнадеженъ,
И столько въ немъ было кручины лихой,
Что бѣдный страдалецъ вдругъ сталъ неподвиженъ—
И грохнулся о-земь съ своею сумой.
И стало ему такъ тепло, такъ уютно;
Исчезли безслѣдно морозъ и метель;
Не зябнетъ ужъ онъ, сирота безпріютный:
Имѣетъ онъ кровъ свой, призоръ и постель.
Вотъ мнится ему и родное селенье,
Опрятная хата, хозяйка-жена,
Сынъ статный, работникъ, для всѣхъ заглядѣнье.
Скотинка своя и родныя поля.
У всѣхъ онъ въ почетѣ, его уважаютъ,
Къ нему за совѣтомъ сосѣди идутъ,
Въ трудахъ полевыхъ ему всѣ помогаютъ;
Онъ веселъ и бодръ и одѣтъ и обутъ.
Но вдругъ потянуло на Западъ далекій
Сынишку его, чтобъ таланъ попытать.
Знать, не было здѣсь у него черноокой,
Чтобъ парня въ селѣ при себѣ удержать.
Отцу-то парнишку пускать не хотѣлось,—
Да что тутъ подѣлать? одно зарядилъ,—
На Западъ, на Западъ, въ селѣ не сидѣлось,—

И милаго сына онъ въ путь снарядилъ.
Уѣхалъ любезный; отецъ ожидаетъ
Вѣстей изъ далекихъ, невѣдомыхъ странъ.
И все онъ по сынѣ любезномъ скучаетъ,
Невольной тревогою весь обуянъ.
Но время идетъ въ неустанномъ движеньѣ;
Измаялся бѣдный отецъ отъ тревогъ,
Проводитъ недѣли въ печальномъ томленьи,
Забросилъ работу и весь изнемогъ.
А тутъ, на бѣду, подошла голодовка,
Родило такъ мало, что нѣтъ и на хлѣбъ.
Что-жъ дѣлать? Такъ, знать, ужъ фортуна-плутовка
Капризничать стала по волѣ судебъ.
Часъ подать платить вотъ ужъ также подходитъ:
Платить-то, вѣдь, надо,—гдѣ денегъ достать?
Бѣдняга на рынокъ скотинку уводитъ,
Чтобъ тамъ за безцѣнокъ мѣщанамъ продать.
Потомъ и хозяйка побаливать стала,
До лѣта исчахла,—свезли на погостъ.
Нѣтъ сына, хозяйки, скотинка пропала,—
Сталъ пить горемыка—(не такъ онъ ужъ простъ!).
Узналъ онъ всю силу вина-зеленого;
Коль выпьешь, становится легче душѣ,
Забудешь, что въ жизни таится дурного,
Уснешь безъ заботъ гдѣ-нибудь на землѣ.
Пропилъ онъ достатки, пропилъ одежонку;
Сосѣди съ презрѣньемъ глядятъ на него;
Одѣлъ онъ суму и въ чужую сторонку,
Какъ нищій, побрелъ изъ села своего.
Все мнилося такъ старику безпріютному;
Покровъ бѣлоснѣжный его ужъ покрылъ,
Онъ здѣсь замерзалъ, а надъ тучами мутными,
Безъ устали мѣсяцъ съ дозоромъ все плылъ.
Вдругъ вихри, игриво кружась на просторѣ,
Столкнулись въ томъ мѣстѣ, гдѣ нищій лежалъ;
Онъ тутъ встрепенулся и понялъ, что горе
Его стережетъ, и что здѣсь онъ лишь спалъ,
Что вновь онъ увидѣлъ во снѣ всѣ дни счастья,
Чтобъ горше ему показалася явь,
Что ужасъ предсмертный въ годину ненастья
Сковалъ ему члены, лишь свѣтъ показавъ.
И вновь онъ зоветъ Всемогущаго Бога.
Услышалъ Тотъ, видно, его, наконецъ,—
Походкой дрожащей прошелъ онъ немного,—
И вотъ вдалекѣ, какъ небесный гонецъ,
Огонь заблисталъ...
«О, радость! о, счастье! ужъ близко спасенье!
Будь славенъ во-вѣки, о Боже святой!»
И въ радости нищій забылъ о гоненьи
Своей лиходѣйки, судьбы роковой.

**
*

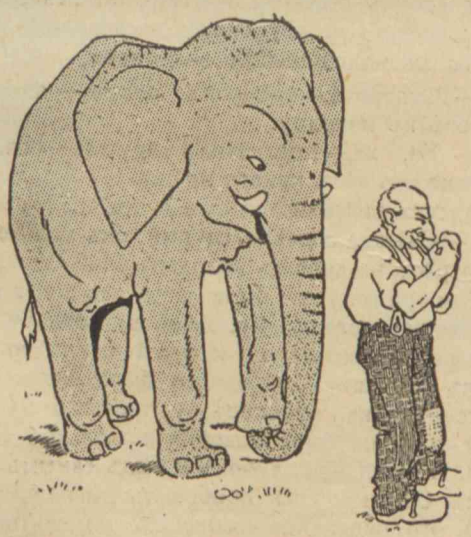
Въ высокихъ и свѣтомъ залитыхъ хоромахъ,
Веселье лилося обильной рѣкой;
Здѣсь гости въ богатыхъ, нарядныхъ уборахъ
Вкушали всѣ сладости жизни земной.
Хозяинъ веселый, гостями довольный,
Заморскимъ виномъ ихъ поилъ, ликовалъ;
А музыки звонъ гармоничный, волшебный
Чарующей пѣснею слухъ ихъ ласкалъ.
Сюда-то дрожащей, иззябшей рукою
Страдалецъ несчастный стучался съ мольбой,
Прося состраданія къ старцу съ сумою,
Къ тому, кто забытъ и обиженъ судьбой.
«Позвольте согрѣться мнѣ, Господа ради,
И черствaго хлѣба подайте лишь мнѣ;
Дрожу я отъ холода, добрые люди;
Не дайте погибнуть страдальцу во тьмѣ.
Несчастенъ вѣдь я—и судьбою обиженъ,
Нѣтъ силъ у меня уже больше страдать!..».
Затѣмъ онъ замолкъ, отъ тоски неподвиженъ,
И милости сталъ человѣческой ждать.
«Эй, вы тамъ, холопы, чего-же вы стали!»
Хозяинъ веселый, сурово вскричалъ:
«Гоните бродягу отсюда подалѣ,
Чтобъ видомъ своимъ онъ гостей не смущалъ!»
Забылъ сердобольный, какъ видно, властитель,
Что стужа ужасная всюду царитъ,—
Тепла и уютна его вѣдь обитель.
Отъ стужи суровой вѣдь онъ не дрожитъ!
И выгнала нищаго челядь вся злая.
Но чаша страданій была ужъ полна,—
И старца несчастнаго мука лютая
Пролилась слезой отъ обидъ и стыда.
«О, Боже Всесильный, когда-жъ мои муки
Оставятъ меня и дадутъ мнѣ вздохнуть?»
И съ грустью, скрестивъ свои дряхлыя руки,
Поникъ головой онъ на впалую грудь.
«Судьбина то, видно, моя ужъ такая,
И свѣтлыхъ минутъ мнѣ ужъ нечего ждать;
Пошли-же хоть сыну, о Сила святая,
Побольше добра; мнѣ-жъ пора умирать».
Затѣмъ, онъ упалъ, бездыханный, безмолвный,
На хладную землю, какъ хлѣбъ подъ серпомъ;
Оплакалъ его только вой заунывный,
Прикрылъ его вѣтеръ лишь снѣжнымъ бугромъ...

**
*

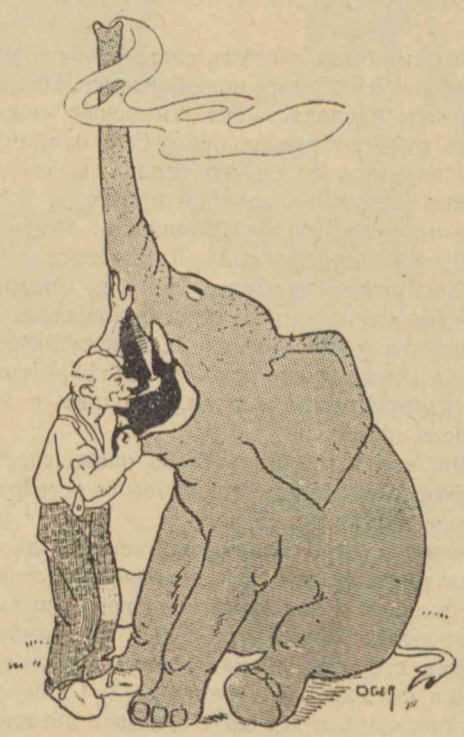

Свѣтаетъ. Морозно. Метель улеглася.
Свѣтило дневное, какъ царственный мужъ,
Отъ ложа ночного отходитъ, искряся,
И царственный ходъ его плавенъ, досужъ.
Вотъ лучъ его первый надъ сонной землею
Пронесся гонцомъ и ее пробудилъ.
Раздвинулись тучи пугливой толпою,
Очистили мѣсто свѣтилу свѣтилъ.
И свѣтъ его мягкій, въ снѣжинкахъ играя,
По кровлѣ блестящей, ласкаясь, скользнулъ
И въ спальню господскую, все озирая,
Съ улыбкою нѣжною онъ заглянулъ.
Во снѣ разметавшись, на мягкой постели
Веселый хозяинъ еще отдыхалъ,
Ланиты румянцемъ здоровымъ горѣли,—
Добро онъ, знать, въ ноченьку ту пировалъ!
Вдругъ, лучъ шаловливый, по спальнѣ порхая,
Уснувшему барину въ очи блеснулъ,
И баринъ проснулся, лѣниво зѣвая,
Поднялся, одѣлся и ноги обулъ.
Потомъ свою шубу на плечи накинувъ,
Пошелъ по хозяйству приказы давать;
Покончивъ съ хозяйствомъ, хоромы покинувъ,
Онъ вышелъ во дворъ, во всю грудь подышать.
И вдругъ, невзначай, онъ о что-то споткнулся,
Сердито подъ ноги себѣ онъ взглянулъ:
Затѣмъ, съ любопытствомъ къ землѣ принагнулся,—
И въ ужасѣ мѣхъ дорогой запахнулъ.
Торчали изъ снѣга замерзшія руки
И какъ-бы молили о хлѣбѣ, теплѣ.
Себѣ здѣсь, какъ видно, тяжелыя муки
Исходъ обрѣли,—и въ безумной тоскѣ,
Мучимый пророческимъ чувствомъ ужаснымъ,
Спѣшитъ онъ у трупа лицо обнажить—
И въ немъ, въ этомъ старцѣ погибшемъ, несчастномъ,
Котораго въ домъ не хотѣлъ онъ впустить,
Узналъ своего онъ отца дорогого,
Котораго тщетно давно ужъ искалъ,
Который подъ окнами сына родного
Отъ стужи и голода жить пересталъ.
«О, Боже Всесильный, тяжка Твоя кара!
Но мнѣ подѣломъ: надо сердце имѣть,
И нищаго-старца, хоть онъ мнѣ не пара,
Какъ равнаго, гостемъ принять и согрѣть.
О, если-бы раньше я мыслилъ такъ честно,
Нажитымъ богатствамъ не далъ заглушить
Участья къ несчастнымъ, которымъ такъ тѣсно,
Такъ трудно въ бѣдѣ и мученьяхъ прожить,
Покойный отецъ на сыновнемъ порогѣ
Въ страданьяхъ безвѣстно-бы такъ не упалъ,
И самъ я пошелъ-бы по свѣтлой дорогѣ
И въ радости жилъ-бы, но не прозябалъ!»
И долго еще этотъ грѣшникъ несчастный
Потомъ свою душу въ мученьяхъ терзалъ,
И смерти у Бога молилъ ежечасно,—
Но жить ему долго Господъ начерталъ.
И совѣсть его неустанно томила,
Забылъ онъ о радостяхъ жизни земной,
Тоска безысходная сердце щемила,
Не разъ заливался онъ горькой слезой.
Оставивъ богатства несчастнымъ убогимъ,
Онъ самъ сталъ, какъ нищій, по свѣту ходить,
Хотѣлъ онъ страданьемъ и подвигомъ строгимъ
Безпечную жизнь богача замолить.
И много тяжелыхъ годовъ покаянья,
Безропотно снесъ онъ съ сумой за спиной,
Пока Милосердный Отецъ мірозданья
Не снялъ съ него бремени жизни земной.

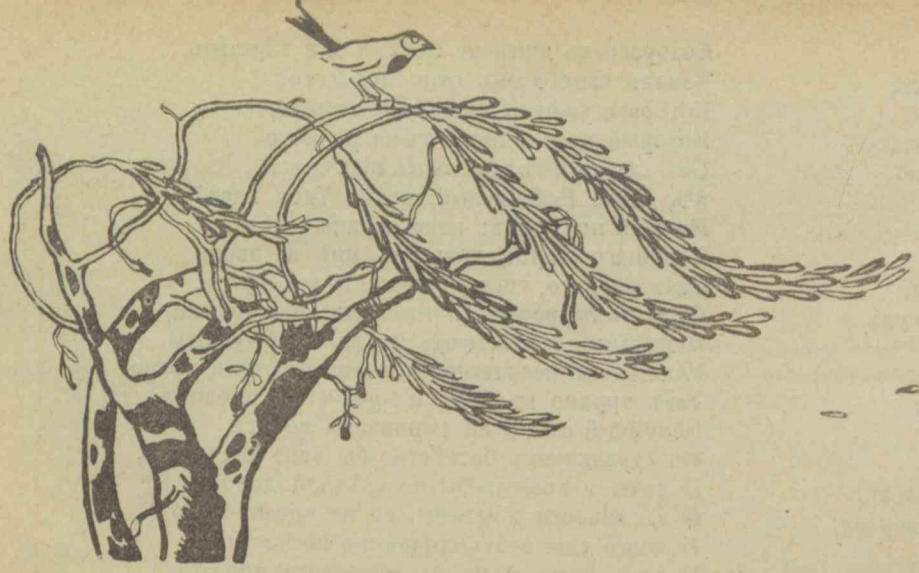
Іеронимъ Арденинъ.

— Не курится трубка; тяги мало.

— А, ура, придумалъ! Сейчасъ будетъ тяга. Хоботъ-то у слона, что твоя фабричная труба!

СНѢЖКА.

(Сказка).

Жилъ на свѣтѣ бѣленькій-бѣленькій голубокъ. На его перышкахъ не было ни одного пятнышка. Весь онъ былъ точно сдѣланъ изъ снѣга. За это и прозвали его всѣ—Снѣжка.

Хорошо жилось Снѣжкѣ на свѣтѣ. Его любили и люди и голуби. Жилъ онъ на чердакѣ большого дома. Тамъ, на чердакѣ, было еще много другихъ голубей. Но это были все самые обыкновенные голуби. Было среди нихъ нѣсколько бѣлыхъ голубковъ, но у каждаго непремѣнно хоть одно перышко да попадалось темное: или въ крылышкѣ, или въ хвостикѣ, или на головкѣ. Поэтому всѣ и восхищались такъ Снѣжкой. Попадись другой, такой же бѣлый, голубокъ, навѣрное, Снѣжку стали бы меньше любить. Теперь же даже самые старые, ворчливые голуби и тѣ иногда говорили, глядя на Снѣжку съ удовольствіемъ: «Поди-жъ ты, какой уродился бѣленькій. Хоть бы пятнышко»... А одинъ голубь однажды сказалъ: «Это—краса нашей голубиной семьи».

Снѣжка былъ совсѣмъ еще молоденькій голубокъ. Онъ любилъ, чтобы имъ полюбовались. Поэтому онъ съ особеннымъ удовольствіемъ въ ясные солнечные дни взлеталъ въ безоблачное небо. Ему казалось, что онъ можетъ долетѣть до самаго солнца, и онъ поднимался все выше и выше въ голубой просторъ. Дѣти показывали на него и въ восторгѣ кричали: «Посмотрите, онъ совсѣмъ, какъ серебряный». Такъ блестѣли на солнцѣ его бѣлоснѣжныя перышки. И когда Снѣжка слышалъ ихъ восторженные крики, крошечное сердечко его билось сильнѣе и наполнялось нескàзанной гордостью.

«О, какъ хорошо жить на свѣтѣ»,—думалъ Снѣжка,—какъ прекрасны и люди, и солнце, и небо, и весь міръ, весь міръ».

Да, этотъ голубокъ былъ очень счастливъ, такъ счастливъ, что едва-ли можно было встрѣтить еще такого счастливаго голубка.

Каждое утро маленькая, веселая дѣвочка выходила на дворъ съ полнымъ передникомъ зеренъ и хлѣбныхъ крошекъ и звонкимъ голоскомъ сзывала голубей. Она кричала: «Гуль-гуль-гуль» и голуби слетались со всѣхъ сторонъ, громко хлопая крыльями и жадно бросаясь къ зернамъ. Прилеталъ и Снѣжка и такъ же торопливо, какъ и всѣ другіе, самые обыкновенные, голуби, хваталъ зерна, а иногда даже дрался со своими товарищами изъ-за какой-нибудь корочки хлѣба и очень больно щипалъ ихъ. Но это ужъ у нихъ, у голубей, такой обычай: когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь лакомомъ кусочкѣ, они забываютъ все—и родство и дружбу, и часто даже можно видѣть, какъ молоденькій сынъ яростно набрасывается на своего отца, почтеннаго, пожилого голубя. Зато въ другое время голубки бываютъ очень нѣжны другъ съ другомъ. Иногда даже по цѣлымъ часамъ сидятъ два голубка и не могутъ налюбоваться одинъ на другого.

Такой-же точно былъ и нашъ Снѣжка. Но ему и тутъ-таки удивительно везло. Маленькая дѣвочка очень любила его за то, что онъ такой бѣленькій, и потому всегда старалась, чтобы ему досталось больше, чѣмъ всѣмъ другимъ, обыкновеннымъ, голубямъ. Она нарочно бросала въ его сторону большіе пригоршни зеренъ, а если видѣла, что какой-нибудь голубь хочетъ отнять у Снѣжки, она махала ручкой и прогоняла того голубя.

Снѣжка ужъ такъ къ этому привыкъ, что считалъ это совершенно въ порядкѣ вещей. Да и вообще Снѣжка такъ привыкъ къ похваламъ, что поневолѣ началъ считать себя самымъ лучшимъ голубемъ въ мірѣ.

Онъ часто думалъ:

«Едва-ли найдется на землѣ еще такой бѣлый голубь, какъ я. Что-то до сихъ поръ еще никто другого такого не видѣлъ».

И онъ, радостный и веселый, летѣлъ къ колодцу, что былъ посрединѣ двора, садился на край его и заглядывалъ внизъ. Это былъ очень глубокій колодецъ. Дѣти боялись туда смотрѣть. Имъ казалось, что сейчасъ оттуда выскочитъ кто-нибудь страшный и утащитъ ихъ внизъ. Но Снѣжка готовъ былъ сидѣть такъ и глядѣть по цѣлымъ часамъ. Еще бы: тамъ, въ глубинѣ, гдѣ холодно поблескивала вода, Снѣжка видѣлъ свое изображеніе и не могъ налюбоваться имъ. Кажется, Снѣжка готовъ былъ-бы просидѣть такъ цѣлый день, если-бы до него не доносились насмѣшливыя замѣчанія нѣсколькихъ молоденькихъ голубковъ.

— Смотрите,—говорилъ одинъ,—нашъ Снѣжка приклеенъ къ колодцу.

— Ха, ха,—подхватилъ другой,—онъ думаетъ, что лучше его нѣтъ никого на свѣтѣ.

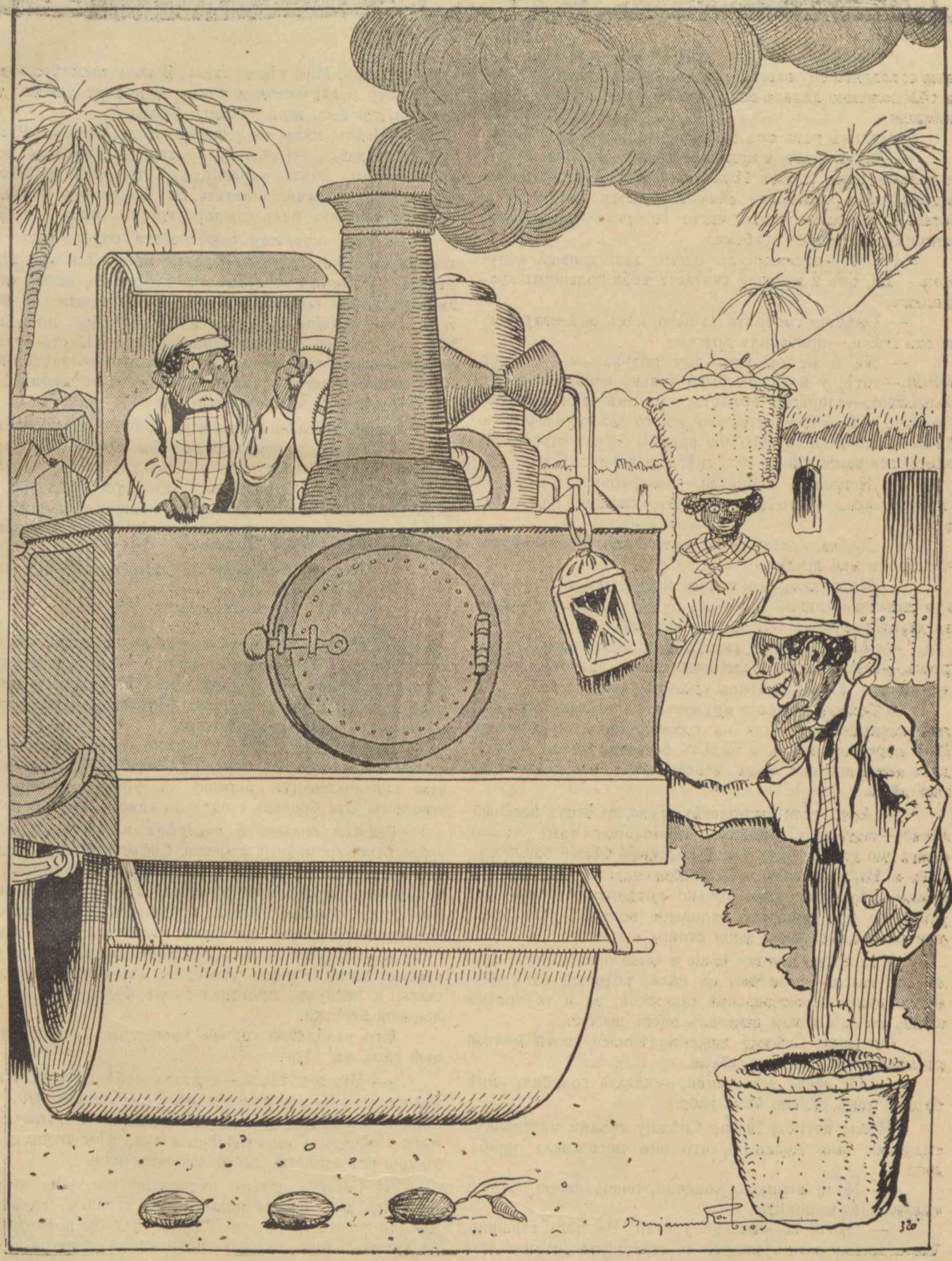
А тутъ вмѣшивался еще и третій:

— Снѣжка совсѣмъ глупый: онъ только и умѣетъ что смотрѣть на себя въ колодецъ.

Эти три голубка были почти что врагами Снѣжки: такъ они завидовали ему. Дѣло въ томъ, что всѣ они были тоже бѣленькіе, но каждый имѣлъ по нѣсколько темныхъ перышекъ. У одного была сизая головка, у другого—спинка, наконецъ, у третьяго на шейкѣ съ правой стороны было совсѣмъ маленькое темное пятнышко. И этотъ-то голубокъ и былъ самымъ жестокимъ врагомъ Снѣжки. Онъ пробовалъ нѣсколько разъ выщипать это противное пятнышко, но, во-первыхъ, это было очень больно, а, во-вторыхъ, вскорѣ на этомъ мѣстѣ вырастали снова точь-въ точь такія-же темныя перышки.

Вотъ эти-то три голубка, единственные изъ всѣхъ голубей, которые знали Снѣжку, и не любили его и

ПЛОДЫ ПРОГРЕССА.

Какъ африканскіе дикари пользуются утрамбовочной машиной для разбиванія кокосовыхъ орѣховъ.

даже старались ему всегда чѣмъ-нибудь досадить. Снѣжка обыкновенно дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія.

Но одинъ разъ онъ не выдержалъ и сказалъ:

— Да, конечно, я красивѣе васъ всѣхъ. Посмотрите только, какія у меня бѣлыя перышки. А развѣ вы не видѣли, какъ маленькія дѣти любуются мной. Да и большіе, взрослые люди часто говорятъ: «Смотрите, какой хорошенькій голубокъ».

— Ого,—воскликнулъ одинъ завистливый голубокъ.—Да, онъ и вправду считаетъ себя большимъ красавцемъ.

— Смѣшно смотрѣть на него, какъ онъ надувается отъ спеси,—прибавилъ другой.

— Да и не съ чего ему надуваться,—сказалъ третій,—тотъ, у котораго было только одно маленькое пятнышко,—напрасно думаетъ, что онъ такъ хорошъ. Скажите, какая важность, что у него всѣ перья бѣлыя. Точно мало и безъ него мы видимъ бѣлаго цвѣта. Да зимой вся земля бѣлая отъ снѣга, даже надоѣстъ.

— Неправда, неправда,—заворковала маленькая сизая голубка,—онъ такъ хорошъ, какъ ни одинъ голубь.

— Да, да, конечно, онъ лучше всѣхъ,—присоединилась къ ней другая.

— Не видали вы, видно, красивыхъ птицъ,—закричалъ завистливый голубокъ сердито, потому что слова двухъ голубокъ вывели его изъ себя.

— Ахъ, смотрите, смотрите на него, какъ онъ хорошъ,—заворковала маленькая сизая голубка,—вѣдь, это правда, что нѣтъ птицы красивѣе его.

А Снѣжка рѣялъ и кружился въ воздухѣ. Его бѣлыя перышки сверкали на солнцѣ, какъ серебряныя. Онъ смотрѣлъ внизъ и видѣлъ большой домъ, на чердакѣ котораго онъ жилъ, и весь дворъ, и вдали—зеленый лѣсъ.

— Вотъ если-бы полетѣть туда, въ этотъ зеленый лѣсъ»,—подумалъ Снѣжка.—«Навѣрное, тамъ много птицъ, но едва-ли есть такой красивый бѣлый голубокъ, какъ я. Вотъ удивились бы и обрадовались мнѣ всѣ эти птицы. Вѣроятно, тамъ только уродливыя черныя вороны, да эти смѣшные маленькіе воробьи. Навѣрное, они даже сдѣлали-бы меня своимъ царемъ».

И съ этого дня все чаще и чаще приходила Снѣжкѣ эта мысль—полетѣть въ лѣсъ, который едва виднѣлся вдали темно-зеленой полоской, да и то только тогда, когда Снѣжка взлеталъ очень высоко.

Однажды Снѣжка даже подѣлился своей мечтой съ маленькой сизой голубкой.

— О, нѣтъ, не улетай,—сказала голубка,—мнѣ будетъ такъ скучно безъ тебя.

И она посмотрѣла на Снѣжку своими маленькими глазками такъ печально, что онъ поспѣшилъ прибавить:

— Но я вернусь, конечно, очень скоро, черезъ какую-нибудь недѣлю.

— Нѣтъ, все-таки не улетай. Въ лѣсу страшно. Тамъ много злыхъ звѣрей и страшныхъ птицъ. Они убьютъ тебя.

— Ахъ, милая голубка, я вовсе не такой трусъ, какъ тебѣ кажется. Я не боюсь никого и ничего на свѣтѣ. Да къ тому же, я не могу сидѣть всю жизнь здѣсь, на этомъ грязномъ дворѣ, на этомъ старомъ, темномъ чердакѣ. Мнѣ тѣсно здѣсь. Я хочу простора и воли. Я хочу извѣстности и славы. Я полечу далеко, далеко, пусть весь міръ узнаетъ Снѣжку.

— Нѣтъ, нѣтъ, не улетай отсюда, Снѣжка. Развѣ тебѣ худо здѣсь. Развѣ тебѣ не жаль бросить свой родной уголокъ. Этотъ чердакъ, гдѣ ты родился. Этотъ дворъ, гдѣ ты научился летать. Эту маленькую дѣвочку, которая кормитъ насъ каждое утро, и... меня.

— Мнѣ, конечно, всего этого очень жаль. Но посуди сама, смѣшная голубка, не могу же я весь вѣкъ сидѣть на какомъ-то грязномъ дворишкѣ, когда міръ такъ великъ и такъ прекрасенъ. Нѣтъ, милая голубка, хотя мнѣ и очень жаль разстаться съ тобой, но я, повѣрь, не созданъ для такой жалкой доли. Пусть другіе, обыкновенные, голуби сидятъ и прозябаютъ здѣсь. Имъ и не нужно ничего лучшаго. Но я... о, я не таковъ...

На другой день онъ улетѣлъ.

Старые, опытные въ жизни голуби только качали головами. Три завистливыхъ голубка потихоньку радовались между собою. А маленькая сизая голубка смотрѣла вслѣдъ Снѣжкѣ до тѣхъ поръ, пока его совсѣмъ не стало видно; тогда она заворковала такъ печально, что дѣти, которыя играли на дворѣ, говорили другъ другу:

— Послушайте, тамъ на крышѣ голубокъ плачетъ.

А Снѣжка летѣлъ къ далекому, зеленому лѣсу, и сердечко его сильно-сильно билось. Онъ даже ни разу не оглянулся на свой родной домъ, гдѣ сидѣла и тосковала маленькая сизая голубка. Снѣжка думалъ только о томъ, что ждетъ его впереди.

Долго летѣлъ онъ, и только, когда солнце уже начало садиться, онъ опустился отдохнуть на маленькую свѣтло-зеленую березку съ бѣлымъ тоненькимъ стволомъ. Эта березка стояла въ самомъ началѣ лѣса.

Снѣжка сидѣлъ и смотрѣлъ на лѣсъ. О, какія здѣсь были громадныя деревья. Снѣжка никогда еще не видалъ такихъ. Какъ странно, сердито шумѣли они, качая своими мохнатыми вѣтвями. Тамъ, между ними, было уже совсѣмъ темно, и Снѣжкѣ стало страшно. Вспоминались слова маленькой голубки о томъ, что въ лѣсу живутъ злые звѣри и страшныя птицы. Но на свое счастье, Снѣжка очень усталъ за этотъ день, а потому скоро и заснулъ, прижавшись къ бѣлому стволу маленькой березки.

Его разбудили горячіе солнечные лучи и страшный гамъ въ лѣсу.

— Что это такое,—сказалъ себѣ снѣжка, открывая глаза.—Да это кричатъ птицы... Однако, какъ ихъ, должно быть, тамъ много. И чего это они такъ кричатъ. Сейчасъ и мы отправимся туда. Посмотримъ, что-то они всѣ запоютъ, когда увидятъ меня.

И Снѣжка началъ охорашиваться. Онъ чистилъ клювомъ свои бѣлыя перышки и старался, чтобы онѣ лежали гладко и красиво. Онъ хотѣлъ-бы посмотрѣться въ какую-нибудь лужицу, но никакой лужицы по-близости не оказалось.

— Ничего, я и такъ отлично выгляжу,—сказалъ себѣ въ утѣшеніе Снѣжка и весело вспорхнулъ на высокое дерево, перепрыгнулъ на другое и сталъ все дальше и дальше уходить въ лѣсъ.

Мимо него порхали большія и маленькія птицы. Нѣкоторыя изъ нихъ садились на вѣтки и пѣли свои звонкія пѣсенки:

«Утро свѣтлое настало,
Ожилъ нашъ прекрасный лѣсъ.
Солнце встало, солнце встало,
Смотритъ ласково съ небесъ»...

И никто изъ нихъ даже не взглянулъ на Снѣжку: такъ всѣ были заняты своими дѣлами.

— «Что-же это значитъ,—думалъ Снѣжка.—Что они всѣ слѣпые, что-ли?! Странно...».

И онъ нарочно усѣлся рядомъ съ маленькой сѣренькой птичкой на большую вѣтку. Эта птичка только что весело запѣла свою пѣсенку, но, увидѣвъ Снѣжку, она замолчала, посмотрѣла на него своими маленькими черными глазками и звонко крикнула:

— Посмотрите, какая здѣсь птица...

Тотчасъ-же слетѣлось много другихъ такихъ-же маленькихъ сѣренькихъ птичекъ и съ такими же черными глазками. Всѣ усѣлись на вѣтки кругомъ Снѣжки и принялись съ любопытствомъ разсматривать Снѣжку.

Снѣжка гордо поднялъ головку и выпятилъ грудь.

— Какая странная,—защебетали птички.

— Такой у насъ въ лѣсу ни разу еще не было.

— Откуда она.

— Какая большая.

— А какая она смѣшная,—пискнула одна птичка.

Тутъ Снѣжка не выдержалъ:

— Ахъ, ты глупая, ничтожная пичужка, да ты и въ глаза-то никогда не видала такихъ красивыхъ птицъ, какъ я, а еще смѣешь говорить, что я смѣшная.

— Ничего въ тебѣ нѣтъ красиваго,—отвѣчала птичка.

— Да, посмотрите вы на себя,—сказалъ Снѣжка,—всѣ вы маленькія, некрасивыя, сѣрыя... Видали-ли вы когда такую большую бѣлую птицу, какъ я.

— Нѣтъ, слава Богу,—закричала одна задорная птичка,—у насъ въ лѣсу еще не было такой глупой птицы.

— Ха, ха,—подхватили другія,—ты самъ себя хвалишь, вѣроятно, потому что никто другой тебя не хвалитъ.

— Неправда,—кричалъ Снѣжка,—всѣ меня хвалятъ, потому что лучше меня нѣтъ на свѣтѣ птицы.

— Ты, значитъ, совсѣмъ не видалъ свѣта,—щебетали птички.

— Постойте, господа,—сказала одна птичка. Это была очень разсудительная птичка, и всѣ всегда слушали ее съ большимъ удовольствіемъ. И дѣйствительно, все, что она ни скажетъ, выходило очень умно и хорошо.—Пусть эта бѣлая птица споетъ намъ что-нибудь. Мы послушаемъ ее, а потомъ ужъ и скажемъ, хорошая это птица или нѣтъ.

— Да, да,—подхватили всѣ птички,—спой намъ что-нибудь.

— Мы хотимъ слышать, какъ ты поешь.

— Я не умѣю пѣть,—сердито сказалъ Снѣжка.

— Онъ не умѣетъ пѣть,—закричали птички.

— Господа, вы слышали, онъ не умѣетъ пѣть.

— Какая же ты птица, если ты не умѣешь пѣть.

— Развѣ ты не знаешь,—сказала опять та-же разсудительная птичка,—что только та птица и хороша, которая хорошо поетъ.

Снѣжка молчалъ. Онъ не зналъ, что отвѣчать всѣмъ этимъ сѣренькимъ птичкамъ. А онѣ мало-по-малу стали разлетаться всѣ по своимъ дѣламъ, и снова по лѣсу понеслась ихъ веселая пѣсенка:

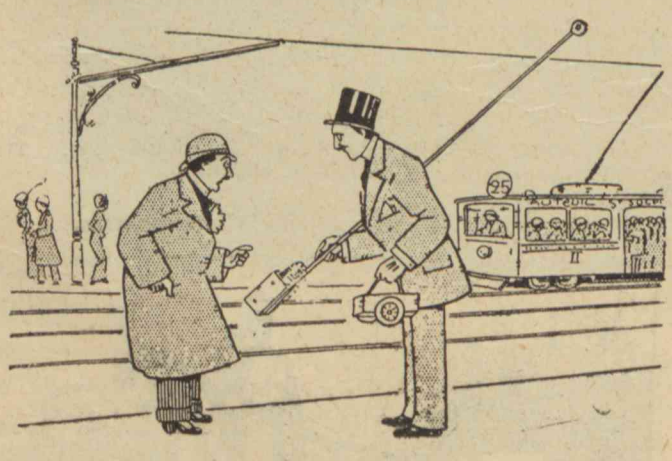
«Посмотрите, небо ясно,
Ни единой тучки нѣтъ.
Ахъ, какъ наша жизнь прекрасна,
Какъ прекрасенъ Божій свѣтъ»...

Снѣжка сидѣлъ одинъ, печальный и сконфуженный. Онъ никакъ не ожидалъ такого пріема. Вѣдь, всѣ такъ восхищались имъ тамъ, на родномъ дворѣ... И вотъ Снѣжка началъ потихоньку выбираться изъ лѣса. Когда онъ достигъ послѣдняго деревца, онъ вздохнулъ легко и свободно, радостно расправилъ свои крылышки и быстро-быстро полетѣлъ къ родному своему дому.

Говорятъ, что Снѣжка живетъ теперь на своемъ дворѣ и очень счастливъ. Онъ никуда не собирается летѣть и очень друженъ съ маленькой сизой голубкой. Говорятъ еще, что Снѣжка никогда теперь больше не сидитъ на колодцѣ и не смотрится въ воду.

Т. В.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

— Что это ты съ желѣзнымъ стержнемъ и колесиками тащишься?

—Да я на всякій случай... Если въ послѣднемъ трамваѣ мѣстъ не будетъ, своими средствами доставлюсь. Вотъ такъ,—видишь?

РИСУНКИ МОИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Рис. Юры Бутковскаго.

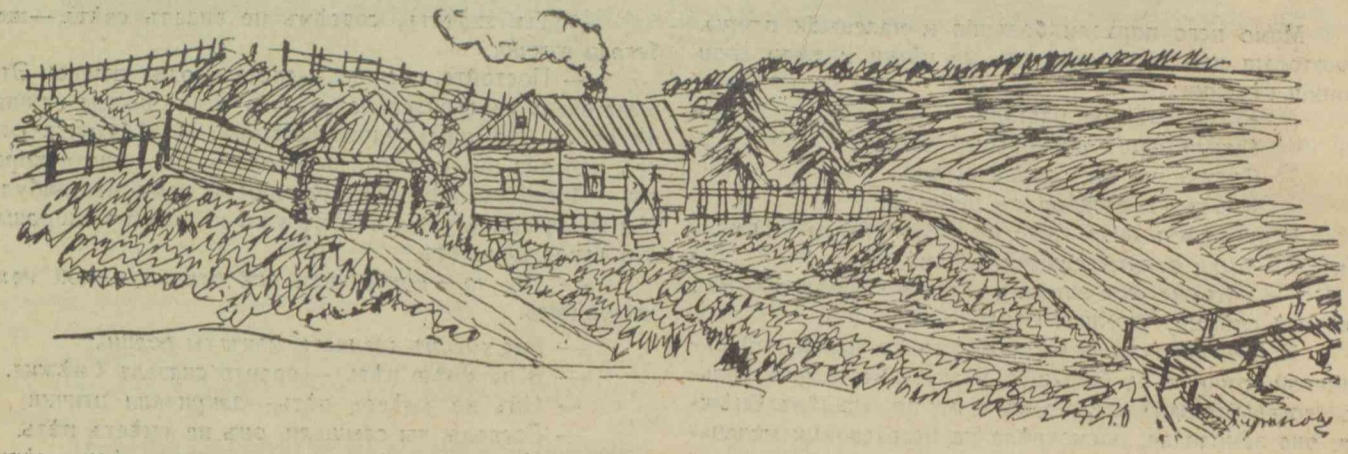

Рис. А. Храброва.

Рис. М. Петрова.

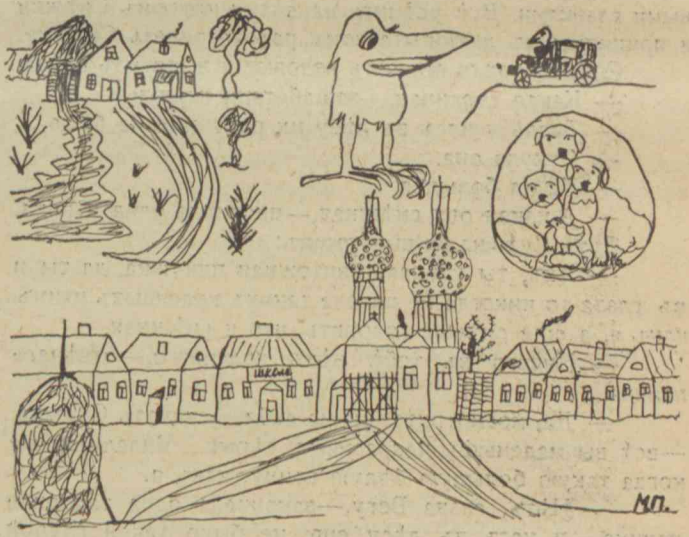

Рис. Коли Задорина.

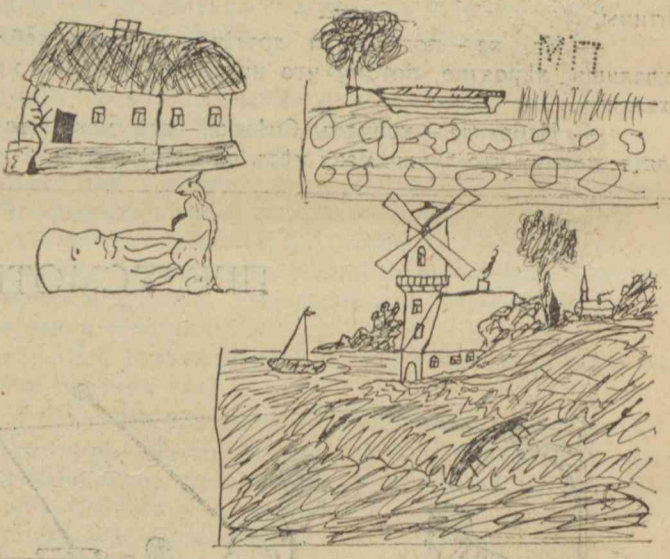
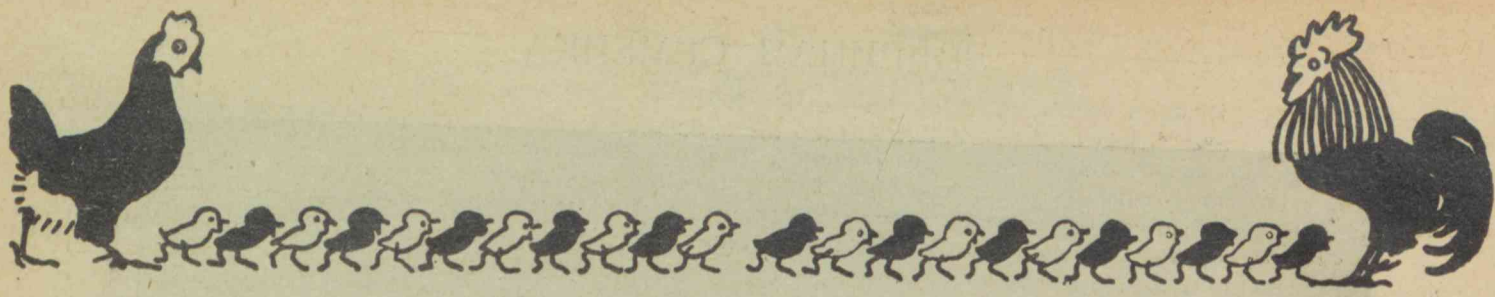

Рис. С. Погорѣльскаго.

ЗАЧАТКИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. К. Вэйле.

(Продолженіе).

Клаатчъ приводитъ, какъ примѣръ, слѣдующій случай, описанный Дарвиномъ. Въ одномъ округѣ Виргиніи живутъ свиньи исключительно чернаго цвѣта. Желая выяснить причины такого страннаго явленія, Дарвинъ нашелъ, что главной пищей свиней въ Виргиніи служитъ корень одного растенія, отличающагося особымъ свойствомъ: у свиней, поѣдающихъ этотъ корень, кости окрашиваются въ красный цвѣтъ, а копыта на ногахъ отваливаются; исключеніе составляютъ только черныя свиньи, которыя поѣдаютъ этотъ корень безъ всякаго для себя вреда. Можетъ быть, подобныя же или сходныя причины, полагаетъ Клаатчъ, способствовали распространенію и укрѣпленію черной расы въ Африкѣ или краснокожей въ Америкѣ?

Прослѣдить и выяснить, какъ и почему образовались и укрѣпились признаки и особенности, отличающіе разныя расы другъ отъ друга,—вопросъ, конечно, очень интересный и важный. Но для нашей задачи еще важнѣе другое замѣчательное явленіе, а именно: что каждая изъ этихъ расъ, какъ бы своеобразно она не развивалась, какъ бы далеко она ни ушла въ своемъ развитіи,—она все-таки сохранила извѣстныя качества и признаки той общей пра-расы, изъ которой произошли всѣ расы. Большинство нашихъ антропологовъ склонно считать, что изъ всѣхъ племенъ и народовъ, нынѣ населяющихъ землю, дикари Австраліи ближе всѣхъ стоятъ къ первобытной пра-расѣ; австралійцы—самое первобытное изъ всѣхъ некультурныхъ, дикихъ племенъ земли; они, какъ по строенію скелета, такъ и по устройству мягкихъ частей и по волосяному покрову тѣла, по растительности на головѣ и бородѣ, сохранили первобытныя черты первоначальной расы болѣе, чѣмъ какая-нибудь изъ всѣхъ остальныхъ расъ. Какъ же должно насъ, бѣлыхъ, поразить, когда мы узнаемъ отъ этихъ ученыхъ, что именно мы, европейцы, ближе къ нимъ по характеру волосяного покрова, чѣмъ обѣ другія большія расы, монгольская и эѳіопская! У этихъ обѣихъ расъ развитіе волосяного покрова пошло совсѣмъ инымъ путемъ: у «монголоидовъ» (сюда включаются не только монголы Азіи, но и малайцы и американскіе краснокожіе) образовались прямые гладкіе волосы, въ разрѣзѣ круглые, у негровъ—спирально закрученные, плоскіе въ разрѣзѣ. Только мы, совершенно какъ австралійцы, сохранили волнистые кудрявые волосы, овальные въ разрѣзѣ. Въ особенности волосы на лицѣ, окладистая борода и густые усы придаютъ австралійцамъ столько сходства съ европейцами. Обильная растительность на тѣлѣ, характерная для многихъ племенъ Австраліи, встрѣчается также нерѣдко у мужчинъ-европейцевъ, въ то время, какъ у желтыхъ и черныхъ волосы на лицѣ и на тѣлѣ совершенно почти выродились.

Сохранилъ весьма древнюю, близкую къ первобытной, форму и нашъ носъ. Мы говоримъ не о болѣе или менѣе гордомъ возвышеніи на лицѣ взрослыхъ европейцевъ, а о тупомъ носикѣ нашихъ маленькихъ дѣтей. Профессоръ Клаатчъ, уже много лѣтъ посвятившій себя спеціально изученію австралійцевъ, указываетъ на то, какъ своеобразно въ ходѣ развитія уклонялась отъ первоначальной формы эта часть у разныхъ расъ. Сильнѣе всѣхъ отклонились монголы; у нихъ развитіе носа въ ширину и уплощеніе его спинки зашло такъ далеко, что, какъ мы видѣли, этимъ и объясняется мнимое раскосое положеніе у нихъ глазъ; ближе къ австралійскому носу—носъ негровъ; но курносый, довольно плоскій и широкій носикъ нашихъ маленькихъ дѣтей, съ открытыми впередъ ноздрями,—совершенно тождественъ, вполнѣ одинаковъ съ носомъ австралійца.

Мы принуждены теперь, подъ вліяніемъ открытій послѣднихъ лѣтъ, прежде всего разъ навсегда измѣнить свои взгляды на древность человѣка на землѣ. Человѣкъ началъ распространяться, разселяться по землѣ гораздо раньше, чѣмъ мы до сихъ поръ думали; и должно было это начаться настолько давно, чтобы хватило время для полнаго, окончательнаго, законченнаго развитія всѣхъ тѣхъ разновидностей рода человѣческаго, всѣхъ тѣхъ рѣзко опредѣленныхъ расъ, которыя мы теперь знаемъ. А чтобы это было возможно, необходимо сдѣлать рѣшительный шагъ, на который мы до сихъ поръ не рѣшались; необходимо признать, что человѣкъ появился на землѣ за много сотенъ тысячъ лѣтъ до нашей эпохи; всевозможныя измѣненія, происходившія съ человѣкомъ въ его развитіи, должны были совершаться не иначе, какъ въ теченіе огромныхъ промежутковъ времени.

Эту новую, необычную для насъ точку зрѣнія усвоить нелегко, но сдѣлать это необходимо. Въ силу этой точки зрѣнія мы въ общихъ чертахъ должны признать, приблизительно, слѣдующее:

Нашъ отдаленный предокъ,— первобытный человѣкъ, появился на землѣ еще въ то время, когда распредѣленіе суши и моря на земномъ шарѣ было совсѣмъ иное, чѣмъ теперь. Что было это за существо,—нашъ предокъ, заслуживало ли оно уже тогда имя «человѣка», или нѣтъ,—это пока для насъ безразлично; опредѣленіе границы между человѣкомъ и животнымъ, той черты, гдѣ, такъ сказать, кончается звѣрь и начинается человѣкъ,—на этомъ намъ придется серьезно остановиться ниже.

Въ тѣ отдаленнѣйшія времена къ Америкѣ былъ еще доступъ сухимъ путемъ; то же самое—къ Австраліи; между нынѣшней Африкой и южнымъ берегомъ Азіи тоже должна была быть тѣсная связь, свободное сообщеніе сухимъ путемъ. Строеніе тѣла всѣхъ человѣческихъ существъ тѣхъ временъ было одинаково; но отличалось большой, если можно такъ выразиться, податливостью, способностью къ измѣненіямъ. Однако, этой способностью одни группы,—подъ вліяніемъ причинъ и условій, которыхъ мы пока еще не знаемъ,—воспользовались менѣе другихъ; одни мѣнялись очень мало, не уходили далеко по внѣшности, признакамъ и по строенію отъ своего первоначальнаго типа, другіе, напротивъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мѣнялись. Въ какомъ направленіи шли эти измѣненія, мы выше въ краткихъ чертахъ намѣтили.

Все это, конечно, предположенія, но они лучше всего соотвѣтствуютъ картинѣ нынѣшнихъ расовыхъ

отличій и распредѣленію племенъ на землѣ. Еще и теперь чуть не въ каждой части свѣта существуютъ племена, сохранившія первобытныя, очень древнія черты. Ихъ называютъ «протоморфными», т. е. первообразными расами въ противоположность нынѣ господствующимъ на землѣ расамъ. Между ними и нами стоятъ промежуточныя, такъ называемыя, «метаморфныя» расы. Меньше всего удалились отъ первоначальнаго корня, отъ общей пра-расы австралійцы; въ нихъ еще и теперь сохранились зародыши всѣхъ особенностей существующихъ главныхъ расъ. Нѣсколько позднѣе ихъ отдѣлилась отъ главнаго ствола еще одна вѣтвь—папуасы, древнѣйшіе обитатели Новой-Гвинеи; при этомъ они въ своемъ развитіи пошли по пути, приведшемъ ихъ очень близко къ неграмъ Африки. Въ Африкѣ, такой первобытной расой въ настоящее время являются свѣтлокожіе готтентоты (Коикоинъ) и въ особенности бушмены,—все жители южнаго края Африки. Отъ нихъ черезъ карликовыя племена «Акка» въ тропической Африкѣ развились нынѣшніе негры (чернокожіе). Многіе изслѣдователи считаютъ, что карликовыя племена или пигмеи (названіе, заимствованное у древнихъ грековъ), какъ равно и бушмены, являются выродившейся формой: нѣкогда это были племена нормальной силы и роста, но подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни и питанія, длившихся въ теченіе многихъ тысячелѣтій, они выродились въ то жалкое племя, что они теперь собою представляютъ. Это, конечно, вполнѣ возможно и даже очень вѣроятно; оттѣсненныя на небольшія острова или вообще въ тѣсно ограниченныя мѣстности, животныя обыкновенно мельчаютъ и вырождаются; то же должно было случиться и съ человѣческими племенами при подобныхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ. Не только карлики Африки, но и «Ведда» на Цейлонѣ и негритосы на Филиппинскихъ островахъ —образцы того же рода среди людскихъ племенъ.

Итакъ, австралійцы, папуасы и низкорослые африканцы составляютъ самую древнюю первобытную группу племенъ среди современнаго человѣчества. Нѣсколько моложе ихъ американская раса; однако, и она —очень старинная вѣтвь человѣческаго дерева. На своей нынѣшней родинѣ эта раса живетъ очень давно. Какъ показали изысканія и раскопки послѣднихъ лѣтъ, эта раса уже населяла Америку еще до того времени, когда мощный ледяной покровъ сковалъ всю Сѣверную Америку и на многія тысячелѣтія совершенно отрѣзалъ ее отъ всего остального свѣта. Такимъ образомъ, выясняется, что еще въ до-ледниковый періодъ, когда Америка была еще соединена широкой полосой земли съ западной частью нынѣшней Европы и съ сѣверо-восточной частью нынѣшней Азіи, въ ней уже жилъ краснокожій человѣкъ. Не выяснено, однако, по какой именно дорогѣ человѣкъ перебрался туда, пришелъ ли онъ въ нынѣшнюю Америку въ востока, т. е. изъ тогдашней Европы, или съ запада, т. е. изъ тогдашней Азіи. По мнѣнію большинства современныхъ антропологовъ, да и вообще по широко-распространенному, офиціально признанному взгляду, краснокожихъ американцевъ причисляютъ къ первобытной монголоидной расовой группѣ; предполагаютъ, что они по типу и по расовымъ признакамъ близки къ монголамъ; отсюда естественный выводъ, что они пришли, вѣроятнѣе всего, изъ Азіи. Другіе, однако, какъ Мартэнъ и итальянскій ученый Серги, склоняются къ тому взгляду, что человѣкъ впервые проникъ въ Америку изъ Европы. Вопросъ пока еще спорный, и много времени пройдетъ, прежде чѣмъ удастся его вполнѣ выяснить.

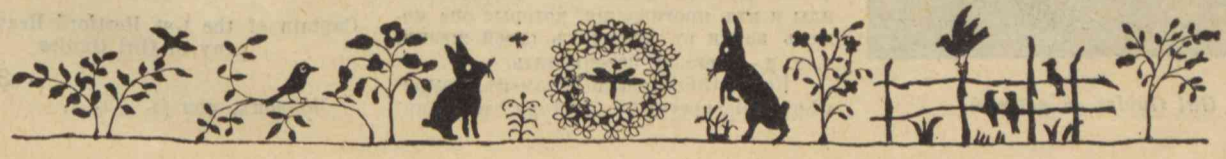
Кромѣ американцевъ, къ такимъ протоморфнымъ, хотя и болѣе молодымъ, расамъ на землѣ Штрацъ причисляетъ еще нѣсколько племенъ на Малайскомъ архипелагѣ и въ Южномъ океанѣ; это—канаки на Сандвичевыхъ островахъ, маорійцы въ Новой-Зеландіи, туземцы архипелага Тонга (о-ва Товарищества), далѣе баттаки на Суматрѣ и даяки на Борнео.

Затѣмъ развились установились большія, нынѣ главенствующія расы, бѣлая и желтая. Мы привыкли самую большую часть Азіи, всю почти ея колоссальную площадь, кромѣ юго-западнаго ея угла и арійской Индіи, считать какъ бы природной областью монгольской расы. И дѣйствительно, раса эта живетъ тамъ съ незапамятныхъ временъ, она тамъ древнѣе, можетъ быть, чѣмъ многіе думаютъ, но исключительной владѣтельницей этой области она вначалѣ, оказывается, не была. Далеко на сѣверѣ Японіи, на островѣ Іессо, на Сахалинѣ и на Курильскихъ островахъ живетъ нынѣ народецъ айну. Эти люди до странности рѣзко по внѣшности своей отличаются отъ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ косоглазыхъ, плосконосыхъ, желтокожихъ гладковолосыхъ и безбородыхъ монгольскихъ племенъ. Во всемъ они имъ прямо противоположны: нѣтъ у нихъ кожной складки на верхнемъ вѣкѣ у внутренняго угла глазъ, носъ у нихъ съ высокой прямой спинкой, кожа болѣе темная и безъ всякаго желтаго оттѣнка, но главное,—они необыкновенно волосаты, какъ на тѣлѣ, такъ и на лицѣ. Ихъ въ общемъ грязныя, неопрятныя лица окружены у мужчинъ и у женщинъ роскошной рамой кудрявыхъ волнистыхъ волосъ, а бороды у мужчинъ огромныя, окладистыя, богатыя; этимъ украшеніемъ айну, видимо, особенно гордятся.

Айну не только выглядятъ чуждыми окружающимъ ихъ народамъ по внѣшности,—они и на самомъ дѣлѣ люди другой расы. Многимъ наблюдателямъ бросалось въ глаза ихъ сходство по типу съ русскими крестьянами, причемъ это сходство не ограничивается окладистой бородкой, а касается и формы рта и носа. Это обстоятельство заставило обратить вниманіе на возможную расовую связь между восточной Азіей и восточной Европой. Окончательныхъ результатовъ изысканія въ этой области еще не дали, но всѣ ученые уже согласны въ томъ, что подъ нынѣшнимъ монгольскимъ слоемъ, покрывающимъ Азію, лежитъ другой, болѣе старый слой; и этотъ древній слой не только ничего общаго съ монгольской расой не имѣетъ, но, напротивъ, долженъ считаться настоящимъ первичнымъ корнемъ нашей собственной, бѣлой расы. Русскій крестьянинъ, смѣшанный съ другими, болѣе современными элементами, остатокъ этой первобытной расы на западѣ; айну—чистокровный остатокъ ея на востокѣ, послѣдній свидѣтель ея колоссальнаго распространенія въ отдаленнѣйшія времена по всей Азіи. Эту древнюю расу нынѣ называютъ «палеоазіатской», т. е. древне-азіатской расы.

Такимъ образомъ, истинной родиной нашихъ праотцевъ была обширная область, широкой полосой тянувшаяся, начиная отъ восточной Европы черезъ среднюю Азію до береговъ океана. Кромѣ того, область эта, повидимому, захватывала часть южной Азіи, главнымъ образомъ нынѣшнюю Индію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБО ВСЕМЪ.

Дѣвочки скойты Англіи (Girl Guides).

(Письмо изъ Лондона).

Прошлою весной, будучи въ одномъ имѣніи подъ Лондономъ, я увидѣлъ впервые Girl Guides, видѣлъ ихъ во время работъ и заинтересовался этой оригинальной организаціей.

Нынче осенью, увидѣвъ этихъ дѣвочекъ-гидовъ, я попросилъ Miss Claudia Barclay, дочь популярной англійской писательницы, являющуюся капитаномъ одного изъ многочисленныхъ отрядовъ Girl Guides, написать для «Синяго Журнала» нѣсколько строкъ по заинтересовавшему меня вопросу. Вотъ что она пишетъ:

«Довольно трудно дать точное описаніе работы Girl Guides въ короткой замѣткѣ. Все же я постараюсь написать кое что о томъ, что мы дѣлаемъ.

Girl Guides были впервые сформированы около 4-хъ лѣтъ тому назадъ Miss Agnes Baden Powell, сестрою Sir Robert Baden Powell, породившаго все бойскойтское движеніе въ Англіи.

Имя «Guides», данное этимъ дѣвочкамъ, означаетъ, что онѣ учатся всему, чему могутъ, для того, чтобы приходить на помощь другимъ—«To guide others».

Каждый отрядъ Guides называется Company и каждая Company раздѣляется на Patrols изъ 6-ти человѣкъ.

Каждый Patrols имѣетъ во главѣ одного leader и одного corporal. Эти двое отвѣчаютъ за хорошее поведеніе и порядокъ своихъ Patrols. О всякомъ серьезномъ случаѣ они должны сообщать капитану.

Каждый Patrols выбираетъ себѣ какой-нибудь цвѣтокъ, какъ эмблему, и носитъ ее вышитой на своей формѣ.

Дѣвочки могутъ быть Guides въ возрастѣ отъ 11-ти до 18-ти лѣтъ. Всѣ Guides отдаютъ другъ другу честь, безъ различія—въ формѣ ли онѣ или нѣтъ.

Я составила одну Company Guides въ нашей деревнѣ около года тому назадъ. Масса дѣвочекъ хотѣли записаться, но я рѣшила, для начала, имѣть только одинъ Patrols. Не находя возможнымъ заставлять платить дѣвочекъ, большинство которыхъ бѣдны, за форму единовременно, я установила такого рода взносъ: 1 шил. при вступленіи и 1 пенни еженедѣльно.

Приходится устраивать по мѣрѣ возможности небольшіе концерты и такимъ образомъ покрывать расходы.

Всѣ Guides, подобно бой-скотамъ, имѣютъ во время парадовъ и упражненій на открытомъ воздухѣ шесты опредѣленной длины. На спинѣ у всѣхъ лазаретные мѣшки, содержащіе бинты для подачи первой помощи.

Они всѣ умѣютъ при помощи своихъ шестовъ, кушаковъ и одѣялъ быстро составлять носилки.

Существуютъ десять законовъ у Guides.

Первый и самый важный говоритъ о томъ, что *честь Guides должна быть сохранена, не взирая ни на какія обстоятельства.* Я помню, что, когда я заговорила впервые о чести съ дѣвочками нашей деревни, я замѣтила, что это слово для нихъ—пустой звукъ. Онѣ о чести не имѣли ни малѣйшаго представленія.

Girl Guides за работой.

Miss Claudia Barclay среди своего отряда Girl Guides.

Онѣ на меня смотрѣли съ искреннимъ удивленіемъ, когда я имъ объяснила, что Guides не лгутъ.

И удивительно, какъ быстро онѣ перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ вникли въ новыя понятія.

Теперь мнѣ достаточно сказать: «Я полагалась на вашу честь Guides»—и я могу имъ вѣрить безусловно.

Другой важный законъ у Guides слѣдующій:

Ни одна изъ дѣвочекъ-Guides не должна прожить дня безъ того, чтобы не сдѣлать хотя бы одно хорошее дѣло. Благодаря этому у нихъ входитъ въ привычку думать о другихъ и стараться быть полезными.

У меня теперь 3 Patrols, вижу я ихъ 3 раза въ недѣлю.

У Girl Guides существуетъ цѣлая система экзаменовъ (tests), которые могутъ сдавать дѣвочки, чтобы получить тѣ или иныя нашивки.

Всѣхъ экзаменовъ 37, которые можно сдать при очень усиленной и серьезной работѣ.

Среди нихъ можно назвать слѣдующіе: «Лазаретный», «Кулинарный», «Художественный», «Прачешный», «Портняжный», «Домоводства» и т. д.

Экзамены эти довольно трудны; такъ напримѣръ, чтобы заслужить «Лазаретную» нашивку, Guide должна умѣть правильно бинтовать поломанныя кости, раны, останавливать кровотеченіе и лечить самыя простыя недомоганія. Она также должна знать всѣ смертельные яды и ихъ противоядія, которые она можетъ найти въ условіяхъ своей жизни, и. т. д.—всего не перечислить.

Когда Guide сдала экзаменъ, напримѣръ «Лазаретный» доктору, то капитанъ доводитъ о томъ до свѣдѣнія Главной Квартиры Girl Guides въ Лондонѣ и оттуда присылаютъ «Лазаретную» нашивку, въ данномъ случаѣ, бѣлый кружокъ съ краснымъ крестомъ.

Разумѣется, дѣвочки очень гордятся своими нашивками и стараются ихъ заслужить какъ можно больше.

По субботамъ мы обыкновенно отправляемся на лоно природы.

Эти прогулки естественно приносятъ огромную пользу дѣвочкамъ, служа одновременно хорошимъ моціономъ и ознакомляя ихъ съ ближайшими мѣстностями. Когда я начала эти прогулки—оказалось, что была масса дорогъ и тропинокъ не далѣе 3-хъ миль отъ ихъ деревни, которыхъ мои Guides не знали.

Во время этихъ прогулокъ мы въ числѣ другихъ упражненій учимся сигнализировать флагами по системѣ Морза и еще одной, семафорной.

Обыкновенно у капитана имѣются помощники; я являюсь въ этомъ отношеніи исключеніемъ, такъ какъ у меня нѣтъ подругъ, которыя имѣли бы свободное время для этого дѣла.

Потому то у меня только 3 Patrols, т. к. учить одной 18 дѣвочекъ совершенно достаточно.

Можетъ быть, вы имѣете теперь небольшое представленіе о томъ, что дѣлаютъ Girl Guides въ Англіи. Разумѣется, это очень и очень краткій очеркъ, но говорить о всей организаціи въ подробностяхъ было бы слишкомъ долго да и можетъ быть излишне. Воспитательное значеніе этой организаціи ясно.

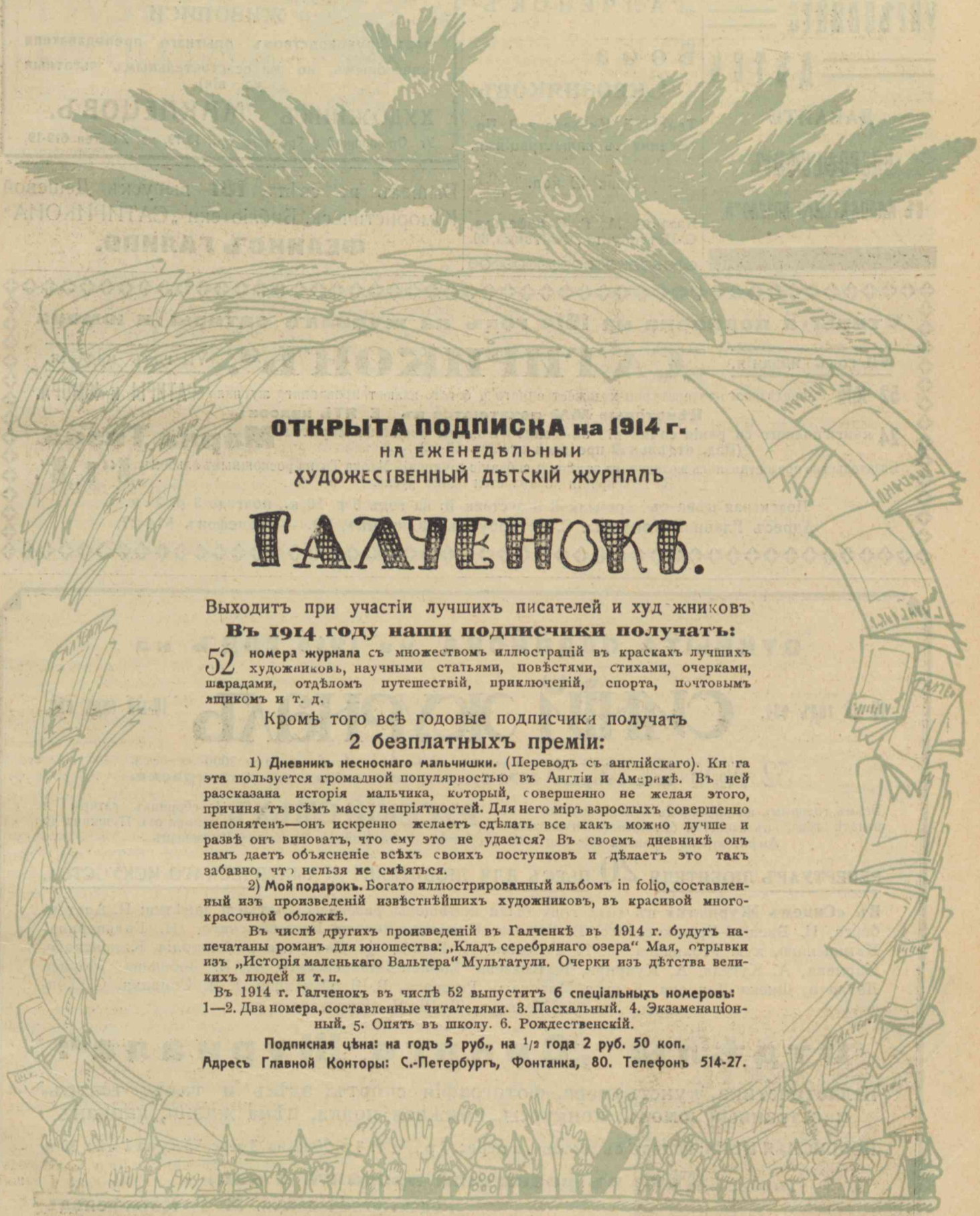
Мнѣ остается лишь пожелать, чтобы и въ Россіи организовались когда нибудь отряды Girl Guides и дали такіе же блестящіе результаты, какъ и наши въ Англіи.

Claudia. L. Barclay

Captain of the 1-st Hertford Heath Company of Girl Guides.

Э. Т.

Лондонъ, ноябрь 1913 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГАЛЧЕНОКЪ.

Выходитъ при участіи лучшихъ писателей и худ жниковъ

Въ 1914 году наши подписчики получатъ:

52 **номера журнала** съ множествомъ иллюстрацій въ краскахъ лучшихъ художниковъ, научными статьями, повѣстями, стихами, очерками, шарадами, отдѣломъ путешествій, приключеній, спорта, почтовымъ ящикомъ и т. д.

Кромѣ того всѣ годовые подписчики получатъ

2 безплатныхъ преміи:

1) **Дневникъ несноснаго мальчишки.** (Переводъ съ англійскаго). Кн га эта пользуется громадной популярностью въ Англіи и Америкѣ. Въ ней разсказана исторія мальчика, который, совершенно не желая этого, причиня тъ всѣмъ массу непріятностей. Для него міръ взрослыхъ совершенно непонятенъ—онъ искренно желаетъ сдѣлать все какъ можно лучше и развѣ онъ виноватъ, что ему это не удается? Въ своемъ дневникѣ онъ намъ даетъ объясненіе всѣхъ своихъ поступковъ и дѣлаетъ это такъ забавно, чт нельзя не смѣяться.

2) **Мой подарокъ.** Богато иллюстрированный альбомъ in folio, составленный изъ произведеній извѣстнѣйшихъ художниковъ, въ красивой многокрасочной обложкѣ.

Въ числѣ другихъ произведеній въ Галченкѣ въ 1914 г. будутъ напечатаны романъ для юношества: „Кладъ серебрянаго озера“ Мая, отрывки изъ „Исторія маленькаго Вальтера“ Мультатули. Очерки изъ дѣтства великихъ людей и т. п.

Въ 1914 г. Галченокъ въ числѣ 52 выпуститъ **6 спеціальныхъ номеровъ:** 1—2. Два номера, составленные читателями. 3. Пасхальный. 4. Экзаменаціонный. 5. Опять въ школу. 6. Рождественскій.

Подписная цѣна: на годъ 5 руб., на 1/2 года 2 руб. 50 коп.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ 514-27.

УКРѢПЛЯЙТЕ ДѢТЕЙ

ДАВАЙТЕ

ЕКОРОФОСФИТЪ

СЪ МАЛОЛѢТНЯГО ВОЗРАСТА.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „ГАЛЧЕНОКЪ“

Боба Сквозняковъ.

Текстъ В. Князева и П. Потемкина съ иллюстраціями.

Цѣна 40 коп.

Изданіе М. Г. Корнфельда, С.-Петербургъ, Фонтанка, 80.

УРОКИ РИСОВАНІЯ и ЖИВОПИСИ

подъ руководствомъ опытнаго преподавателя (способнымъ, но малосостоятельнымъ льготныя условія).

ХУДОЖНИКЪ МАКЛЕЦОВЪ.

Уг. Опочининой и Средняго пр., 13/19, кв. 22. Тел. 619-19.

Вышелъ въ свѣтъ **101** выпускъ Дешевой Юмористическ. Библіотеки „САТИРИКОНА“

ФЕЛИКСЪ ГАЛИПО.

Открыта подписка на 1914 годъ на журналъ сатиры и юмора

VII годъ изданія. **„САТИРИКОНЪ“.** VII годъ изданія.

52 №№ еженедѣльнаго-литературно-художественнаго и богато-иллюстрированнаго журнала САТИРЫ и ЮМОРА.

Нѣкоторые №№ печатаются въ ДЕСЯТЬ красокъ.

24 книги полнаго собранія сочиненій знаменитаго американскаго юмориста **Марка Твэна.**

(Изд. отдѣльной продажѣ стоятъ 15 р.)

Издательство предоставляетъ желающимъ замѣнить собраніе сочиненій Марка Твэна роскошнымъ альбомомъ „М“ и „Ж“.

За обѣ преміи добавляется одинъ рубль.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ 6 р. 50 к., полгода 3 р. 25 к.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. — Телефонъ 514-27.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 ГОДЪ на

IV-ый годъ изд. **СИНІЙ ЖУРНАЛЪ** IV-ый годъ изд.

52 №№ еженедѣльнаго богато-иллюстрированнаго журнала (свыше 2000 иллюст.).

Нѣкоторые №№ будутъ печататься въ двѣ краски.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разослано въ началѣ года, въ качествѣ безплатнаго приложенія **„РУССКІЙ СМѢХЪ“** сборникъ сатиры и юмора отъ Пушкина до Амфитеатрова (произведенія около 50 авторовъ), составленный Василіемъ Князевымъ.

РЕПЕРТУАРЪ ЛЮБИТЕЛЯ 20 ПЬЕСЪ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРАМАТИЧЕСКАГО ИСКУССТВА.

Въ «Синемъ Журналѣ» въ 1913 году были помѣщены разсказы, статьи и замѣтки: П. Альтенберга, Н. Брешко-Брешковскаго, В. Бѣлова, Клеманъ Вотеля, Евг. Вѣнскаго, Н. Гальперина-Каминскаго, худ. Герардова, П. П. Гнѣдича, А. Грина, А. Далматова, Анатолія Каменскаго, Кармена, А. Кугеля, А. Куприна, В. Князева, Бориса Лазаревскаго, И. В. Лебедева, Мориса Леблана, Джека Лондона, Бориса Мирскаго, Ришпэна, В. Я. Свѣтлова, І. Е. Спивака, С. Тонскаго, Дмитрія Цензора, Т. Ш., І. Ясинскаго и др.

Отдѣлы „Синяго Журнала“:

Беллетристика, кунсткамера, фотографія, спортъ, здѣсь и тамъ, театръ, иностранный юморъ, конкурсы, книжная полка, пѣна жизни, капканъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставк. и перес. 3 р., 1/2 г. 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 75 к., на 1 мѣс. 30 к.

Цѣна въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-Издатель **М. Г. Корнфельдъ.**

Главная Контора: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ 514—27.

2-го декабря, въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи, состоялось торжество освященія дѣтской климатической колоніи на Высочайше пожалованной землѣ въ удѣльномъ имѣніи Ай-Данилъ.

***

Изъ Франкфурта-н.-М. сообщаютъ объ открытіи памятника Генр. Гейне. Памятникъ сооруженъ на томъ мѣстѣ, гдѣ шумная Цайль, главная торговая улица, пересѣкаетъ паркъ. На гранитномъ цоколѣ въ два метра установлена бронзовая группа, работы берлинскаго скульптора Георга Кольбе. На группѣ изображенъ юноша съ распростертыми руками; лицо его выражаетъ умъ и сосредоточенность. Рядомъ съ юношей стоитъ молодая женщина съ мечтательно устремленнымъ взглядомъ. Вопросъ объ открытіи этого перваго въ Германіи памятника Гейне рѣшался въ продолженіи четырехъ лѣтъ и вызвалъ сильную агитацію противъ постановки. Самое открытіе было очень торжественнымъ. Кромѣ многочисленной публики, присутствовалъ бургомистръ города, представители многихъ научныхъ, литературныхъ и художественныхъ обществъ и союзовъ.

ОПЫТНАЯ ДѢТСКАЯ СЕМЬЯ.

Восемь лѣтъ уже длится опытъ, о которомъ почти никто ничего не знаетъ. Я говорю о «Дѣтскомъ домѣ», на 14-й линіи Васильевскаго острова.

Вначалѣ это было самое обычное благотворительное учрежденіе. Съ помощью маленькихъ средствъ и большой энергіи, съ 1905 г. группа людей стала кормить, одѣвать и обучать «дѣтей улицы». Сначала дѣтей было только 6 человѣкъ и жили они, за недостаткомъ средствъ, въ подвалѣ. Затѣмъ, въ 1908 г. кружокъ преобразовался въ общество «Помощь дѣтямъ рабочихъ С.-Петербурга», имѣя на рукахъ 35 дѣтей. Само собой разумѣется, что воспитаніе дѣтей было очень затруднено. По словамъ отчета за пять лѣтъ (1908—1913 г.) «дѣти поступали въ убѣжище... распущенными во всѣхъ отношеніяхъ». Обычныя воздѣйствія не помогали, и вотъ тутъ-то руководителямъ пришла счастливая мысль—привлечь дѣтей къ работѣ, къ обслуживанію самихъ себя. Дѣтямъ предложили вести все хозяйство. Мальчики и дѣвочки поставлены были въ разныя условія, и дежурства распредѣлялись между всѣми, даже завѣдующая раздѣляла этотъ трудъ наравнѣ съ дѣтьми. За этимъ шагомъ послѣдовалъ другой. Установленіе внутренняго распорядка было предоставлено дѣтямъ. Возникло нѣчто вродѣ самоуправленія. Исчезли жалобы—каждый почувствовалъ себя отвѣтственнымъ. Собранія дѣтей служили мѣстомъ обсужденія дѣлъ и выработкой правилъ поведенія и мѣръ наказанія. Когда въ 1908 г. мнѣ пришлось побывать въ «Дѣтскомъ домѣ», то мнѣ показалось, что я вошла въ хорошую, интеллигентную семью. Я не видѣла взрослыхъ. Встрѣтили меня дѣти отъ 4 до 12 л., разсказывали о постановкѣ дѣла, показывали квартиру, убранную дѣтскими руками, свели въ кухню, гдѣ дежурили дѣвочка и мальчикъ и, наконецъ, подвели къ «правиламъ на стѣнѣ». На первомъ мѣстѣ было написано: «не лгать, не ссориться, не брать чужого безъ спроса». Затѣмъ устанавливались отношенія между мальчиками и дѣвочками, между сильными и слабыми и, наконецъ, напоминалось: «дежурства исполнять хорошо». Наказанія строго соотвѣтствовали проступку. Если кто-нибудь отказывался нести дежурство, то ему выдавали провизію натурою, и онъ какъ бы выдѣлялся изъ общежитія.

Помнится, настроеніе дѣтей было возбужденное. Чувствовался праздникъ. Когда я теперь, спустя пять лѣтъ, снова посѣтила «Дѣтскій домъ»—меня поразила спокойная увѣренность во всѣхъ членахъ семьи. Многіе подросли и, живя въ Домѣ, зарабатываютъ, оплачивая свое содержаніе, двое учатся въ гимназіи и являются гордостью «Дѣтскаго дома». Имъ отдаютъ лучшую одежду, потому что «имъ надо чисто ходить». Интересно, что сами дѣти намѣтили способнѣйшихъ для посѣщенія гимназіи. Одинъ изъ членовъ семьи одаренъ художественнымъ талантомъ и посѣщаетъ школу общества поощренія художествъ. Нѣсколько человѣкъ работаютъ въ корзиночной мастерской при «Дѣтскомъ домѣ», нѣкоторые помогаютъ заниматься въ дѣтскомъ саду при Домѣ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ МОИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ВИЛЛИ ФЕРРЕРО.

Ферреро, слышится повсюду
Онъ—геній, ангелъ, красота,
И имя славное Ферреро
Гремитъ теперь изъ устъ въ уста.
Кто-жъ ты, малютка черноглазый,
Съ кудрями темными до плечъ,
Посланникъ неба, чудный геній,
Иль это лишь пустая рѣчь?
Быть можетъ, всѣ тебя забудутъ,
И увлеченья мигъ пройдетъ,
И, можетъ, чудной, гордой славы
Прекрасный скоро лучъ зайдетъ?
А, можетъ быть, судьба готовитъ
Тебѣ веселые года.
Быть можетъ, всѣхъ къ тебѣ потянетъ
Твоя прекрасная игра?
Еще малютка, ты пляняешь
Весь полный залъ и всѣ сердца,
И, можетъ быть, и самъ не знаешь,
Зачѣмъ, къ чему твоя игра?

Женни.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ С. ЩУЦКАГО.

1. П—ятница;
2. Я—блоко;
3. Т—уфля;
4. Е—ршъ;
5. Р—ужье;
6. К—орабль;
7. А.

Ростиславу Зимину.—Твои рисунки очень милы. Кое что помѣщу.

Ш. Сивутъ.—Получилъ твои стихи. Видно, что это первый опытъ. Присылай, что еще напишешь.

Т. Л.—Изъ всего, что ты прислала, помѣщаю только одну шараду—остальныя очень легкія.

Борь Котову.—Спасибо за задачи, кое что пойдетъ. Первая премія давно разослана. Вторая послана тоже.

Ванѣ Гольмъ.—Твои рисунки мнѣ не совсѣмъ понятны.

Ред.-Изд. С. Г. Корнфельдъ.

Типографія журнала «Сатириконъ» М. Г. Корнфельда, Спб., Бассейная, 3—5.

ВО ВРЕМЯ ПИСЬМЕННАГО ОТВѢТА.

— Да ты подсказывай потише, а то Иванъ Петровичъ услышитъ!.. Да и книжку припрячь... Замѣтитъ!..

— Ну, и пускай! Выгонитъ насъ изъ класса, а мы лишній часикъ на конькахъ покатаемся...